

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ САЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

Д

Ж

И

Р

Х

М

В

И

А

И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й

А Л Ь М А Н А Х

Н А Р О Д А З В Е З Д Ы

ВЫП. 42. ТАВИ ТУМ

ТАЙХАРД

ТИЛЬБЕРТ ДЖОЛЛИ ЛИНКС

ТОРЧ

Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 42.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2014;

а также авторы журнала:

Тави Тум
Тайхард
Тилльберт Джолли Линкс
Торч

Algidus
(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

Gabu Gnm

Ангел

1

Грустно мне, грустно мне, ангел...
Всё началось так с утра.
Может быть, это другая
Встала с постели, не я?

Маленький, маленький мальчик,
Я улыбнулась тебе.
Было со мной это раньше?
Не было? Кажется мне?

Эти печальные снимки —
Слепки с натуры, следы...
Вот я прошла снова мимо,
Мимо прошла я. Но ты?!

Каждый мой шаг — остановка,
Каждое слово — провал.
Как-то живу я неловко.
Вижу: меня ты узнал.

Нежности злые осколки,
Полуразбитый хрусталь,
Не разговор, а уловки.
Что ты ещё ожидал?

2

Видно, в вечной любви не осталось ни тени, ни света.
(Я как ангел с родимым пятном у прозрачной груди.)
На короткое время мне стало светлее, но это —
Не живая вода, только воздух. На шаг впереди

У молочницы в белом переднике свежие сливки.
Я прошла по асфальту, стуча золотым каблучком,
Из агата колечко с изъёмом на пальчике бледном.
О Мария, Мария, о ангел, махни мне крылом!

Как по следу рассыпанных зёрен (в мешке этом — дырка),
Я по лужам бензиновым, красно-зелёным, иду.
Говори мне, что любишь, тебе я не верю, мне дико,
Дико слышать такие слова: я тебя не люблю

Ляпота. Ляпотница кругом! Ни конца ей, ни края.
Ни себя, ни тебя — никого я теперь не отдам.
Ни в аду, ни в раю мне не быть, и не надо мне рая.
И не надо мне рая, сожми только руку мою.

3

Хранителю

Белокрылый мой, самый лучший,
Я лечу к тебе, словно с кручи.

Мне имён твоих неизвестных
Сладкозвучен звук, тих и нежен.

За моей спиной ты — стеною.
Что назавтра ждёт нас с тобою.

Ты хранишь меня и спасаешь,
Но моей судьбы ты не знаешь.

Посидим рядом, потолкуем.
Кроме жизни, чем мы рискуем?

4

Не цепляется сердце —
И хочет, не может.
Что-то душу мою
И когтит, и тревожит.
Что же это такое со мной?

Ангел, крылья сложи,
Я тебя не обижу.
Разучился летать?
Так подвинься поближе,
Дай-ка перья погладить твои.

Остаются в руках,
Как осенние листья...
Мне бы только понять,
Почему я не вижу
Ни малейшего смысла во всём.

5

Пока в сортире плачешь, словно дура,
Чтоб кто-нибудь случайно не узнал,
Насколько у тебя большое горе,
Насколько ты слаба,
Какое-то свеченье за спиною,
И слышится треск кожи в тишине,
Так лопаются почки, став листвою,
Так крылья расправляются в тебе.

И ты отсюда прежнею не выйдешь —
Сомнительное счастье. Что ж теперь?
Ты взглядом кокон свой в последний раз окинешь,
Смахнёшь слезу и в мир откроешь дверь.

6

Собирание пустот тонкой в клеточку тетрадкой,
Проложение тропы по трясине нервной, шаткой.
Я с утра включаю свет в комнате — стою на страже.
Завтра будет новый день, он чего-нибудь расскажет.

Он невидимой рукой раскидал всему разгадки —
Мир таинственен, но вот в руки я беру тетрадку...
Эти знаки на стене, под столом, в стакане с чаем —
Мы всё знаем, но такой мудрости в себе не чаем.

И соседский мальчик, тот, рыженький, в смешной бейсболке
Свои крылья уберёт перед школою в коробку,
Обернувшись на ходу, помахает мне ладошкой...
Может быть, и я пойму эту жизнь (ну, хоть немножко).

Письма к РА

О себе.

История одного из моих безумств...

Р. А.

Если бы вдруг кто-нибудь лет так этак через сто поставил перед собой задачу проанализировать все мои неврастенические идеи и мании (вероятно, это могло бы заинтересовать психиатра), он в недоумении остановился бы перед одной самой параноидальной. Сущность её передать тяжело даже мне самой, в истории болезни, скорее всего, записали бы что-то вроде «мания величия, отягощённая раздвоением личности». Что же, я и не отрицаю своего безумия. Более того, это, видимо, единственное, чем я ещё дорожу.

Вариантов того, как я представляла себе произошедшее со мной, было множество.

Например, такой. Вопрос, который я постоянно задавала себе: «Какого чёрта я родилась?» Нет, не для чего, а как я на это согласилась, что меня заставило это сделать, почему мне не сиделось где-то во вселенских просторах? Что движет ещё не рождённой душой, когда она (скорее всего, добровольно!) идёт на Землю, воплощается в слабом теле? Какого рожна ей тут надо? Простые амбиции? Жажда новых впечатлений? Желание самовыражения? Просто глупо думать об этом, будучи в состоянии нирваны и абсолюта. Любовь? Не та идеальная божественная любовь, которой на Земле просто не существует, а какая-то болезненная близость двух душ, которые составляют нечто целое, а потом одна половина отделяется и уходит куда-то. И что же делать другой? Не думаю, что мне очень-то хотелось идти вслед за Ним — судя по тому, какую невероятную усталость я испытываю, моя душа стара, как черепаха Тортила. Интересно, сколько различных оболочек я поменяла? И разве на свете осталось хоть что-нибудь, чего бы я не знала? Так что всем этим я уже сыта по горло. А может быть, я не любила жизнь с самого её начала, или почти с самого... Так или иначе, но причина, которая привела меня сюда, должна была быть очень серьёзной. Очень. Серьёзной.

А Он был всегда такой лучезарный, солнечный мальчик, божество по имени Ра... Мальчик? А бывает ли у души пол? Видимо, с таким же успехом Он мог быть и девочкой. Есть души, которым предназначено всегда быть женщиной или мужчиной, и души, которые совмещают оба пола, и что им выпадет в очередной раз — дело случая или неизвестного мне принципа, — но они в равной степени успешно могут реализовать как своё женское, так и мужское начало. И когда он родился мужчиной, мне уже выпала иная роль. И до этого рождения он был светлым и лёгким, а вернулся невероятно измученным. Я должно была понять, что с ним произошло. И я сделала этот трижды проклятый первый шаг. И это было первым безумием с моей стороны, но не последним...

Первые годы своей жизни я посвятила процессу постепенного забывания всего того, что я знала о небе. Мне это довольно успешно удалось, и лишь изредка на меня ещё находили моменты необъяснимого светлого и

спокойного состояния, впрочем, с каждым годом всё реже и реже. Оказалось, что я абсолютно правильно выбрала место и время рождения; и если бы не моё филологическое образование, я бы никогда не узнала, что Он есть на свете. Короче, если мне надо было забыть Его, то лучшего хронотопа я придумать не могла. Но году на двадцатом этой никчёмной действительности я всё же услышала о Нём по радио: девушка с противным голосом рассказывала о Его гласных, я как юный поэт заинтересовалась. В энциклопедическом словаре не оказалось ничего, кроме идиотской статьи в три строчки, из которой я поняла лишь то, что Он был участником Парижской Коммуны. Этот факт почему-то оставил меня абсолютно равнодушной. Таким образом, я решила оставить Его загадочную персону в покое. Если бы у меня это могло получиться! Но как? Я тогда просто бредила верленовской строчкой: «Я — Древний Рим периода упадка...» Это, наверное, очень подходит к моим ощущениям. А книги всегда приходят вовремя, потому что они — самые мистические существа в мире. Зачем же ещё в моей жизни нужен был Верлен? И вот я уже собралась писать об этом любителе абсента контрольную, когда эту тему уведли у меня из-под носа, причём моя хорошая приятельница. И тут-то я разглядела в списке тем моего РА. Вспомнила гласные. Думаю: «А ведь интересно!» Через пару дней я уже была рада, что Верлен мне не достался. Это была судьба. Оказалось, что не нужно много времени для того, чтобы вспомнить всё, что забывала на протяжении многих лет. А потом я стала писать Ему письма... Письма к Ра. Ра, потому что Р. и А., потому что Он так любил Солнце, лучезарный мальчик, солнечный Бог.

Можно повертеть пальцем у виска, но я Его настолько люблю, что даже ревную, и не к прошлому, не к тем женщинам и мужчинам, которые Его окружали, мне на них просто наплевать. Но меня бесит, когда кто-нибудь произносит Его имя или читает Его стихи. Он мой. И на это имею право только я, и то, как видите, не злоупотребляю. Что-то вроде некрофилии? Плевать, плевать, плевать.

Всё равно, никто кроме Него не был настолько дерзок, настолько гениален и безумен. И не будет.

Версия вторая.

В прошлом я была эфиопкой, абсолютной негрой, чёрной женщиной Ра, а теперь я совсем белая, и волосы мои прямые, я стала похожей на Него. А Он, быть может, стал похож на меня? Ра-негр — это что-то! Если мы обменялись душами, почему бы нам не обменяться телами? Кажется, у нас были дети. Смешно, если где-то в Африке сейчас носятся наши правнуки. Цвета кофе с молоком. Кто-то ведь писал об этом, помнится. Я тогда не была такой робкой, как теперь, это только Север может рождать таких жалких людей. Я танцую около костра, я преклоняюсь своим богам. Даже теперь у меня в лице осталось что-то африканское, да и в характере, пожалуй. Хотя мне удаётся это скрывать. Вот только солнце я не люблю, наверное, потому, что у меня его было слишком много, и потому, что оно убило моего Ра.

Или, может быть, я и есть Ра? Между нами так много общего... Впрочем, и различий множество, даже противоположностей. Он гений — я посредственность, Он безрассуден — я осторожна, Он храбр — я труслива, Он умён

— я дура. Там, где Он на взлёте, я в таком дерьме! Но именно потому, что так много противоречий, я и есть Он. Потому что зеркальное отражение. Тень. Оксюморон. Парадокс. А жизнь — это парадокс.

Но на самом деле всё намного сложнее. Четвёртая, самая последняя версия включает три предыдущие: я и ещё одна реинкарнация Ра, и Его анима, идеальная возлюбленная, и Его земная африканская женщина. Единая в трёх лицах. Потому что смысл существования не только в реализации своего истинного «эго», но и в соединении. Соборность — это не единый порыв миллионов людей в единой вере, это та личность, которая и должна остаться в конечном итоге одна, «Дункан Маклауд», бессмертный, которому суждено выжить. И все мы — только материал для его создания. Мы атомы, мы должны соединиться в молекулы, молекулы — в ткани, ткани — в органы, органы — в организм. И сила, которая может скрепить триллионы этих частиц — любовь (быть может), хотя у этого чувства, скорее всего, другое название, но оно мне неизвестно. Язык мой несовершенен, для объяснения новых связей я использую понятия, которые давно утратили свою живую сущность и опустели. Быть может, у меня уже есть основания считать себя молекулой, потому что я знаю, из каких атомов состою. И теперь мы проверим, жизнеспособна ли эта молекула. Вот в этом-то я и сомневаюсь. Если же мои сомнения напрасны, то дело остаётся за малым — продолжить соединение. Лозунг наш прост: «Присоединяйтесь, барон, присоединяйтесь!»

P. S. Последний вопрос в свете двух последних версий: «Кому же я пишу эти письма? Себе?»

ПИСЬМО 1

Пустота глазниц. Пустота сердец.
Девять псов у ног жрицы бога Ра.
Всё застыло здесь на сто тысяч лет,
Как в душе моей без тебя.

И шепчу в бреду и молю без слов:
— Улетай, душа, забирай беду!
Сквозь слои веков слышу голос твой,
Подожди меня, я уже иду.

Как знаком мне лёд мраморных полов!
Будто тайная тронута струна.
Что-то вспомнила из далёких снов...
Может жрица та — это я?

Так что Время — враг неопасный мне,
Дьявол не жалел, да Отец-то спас!
Ты не бойся, всё позади уже,
Между нами — Бог, он один за нас.

ПИСЬМО 2

Без тебя мне в раю чёрно-белом не ждать утешенья.
Эти светлые кудри и детский доверчивый рот...
Я всегда была больше, чем я, я всегда была почвой и небом,
Я всегда была дочерью, чёрной вдовою, тобой.

Красной линией тонкой по белой бумаге бегу я,
Я бегу по бумаге, тебя догоняю, и вот...
Две минуты осталось. Одна. На земле в этот раз кем я буду?
Кораблём? Океаном? Понтонами? Снова тобой?

ПИСЬМО 3

Тебя сто лет как нет,
Меня — двадцать. Как есть.
Зачем мне эта месть
И белый кораблик вдали?
Куда ни взгляни —
Везде увидишь своё отраженье,
Как будто весь мир — это ты,
И только лишь ты.
И никого больше нет.
Но этот бред
Когда-нибудь да должен закончиться?
Уже почему-то не верится.
Даже себе.
Нет, не по мне
Всё это.
Легче бы было уйти,
Но простые пути
Мне противны.
И с кого только всё это спросится?
Нет, не с меня.
Виновата ли я?
Всё, что смогла...
Почему-то так мало!
Так мало, почти ничего.
Почти ничего...

ПИСЬМО 4

Огромное желание — избежать пустоты,
Но она неизбежна.
И вывод напрашивается сам собой:
Я закончу так же, как и все —

Полнейшим разгромом.
Давай вспомним твою жизнь,
Всю до последней минуты,
И станет страшно,
Потому что всё повторяется.
Почему мы не можем выбраться из этого круга?

ПИСЬМО 5

Каким образом мне догнать тебя? Я так хочу быть вровень, идти не след в след, а рядом. Забавно. Догнать мальчишку! Всего лишь мальчишку... Но ты всегда впереди, хотя порою всего только на локоть. Догонит ли черепаха Ахиллеса? Грозящая неизбежность. Солнечные зайчики на асфальте не стали от этого бледнее — всем до нас нет никакого дела. Только я в отчаянье. Невозможность.

ПИСЬМО 6

И вот я смотрю на руины, я смотрю на вас — изменяющих мир, — и мне смешно (смех сквозь слёзы!), потому что я знаю, чем это закончится — пребыванием в аду.

И что мне остаётся, кроме самой себя?

Великие свершения, большие пароходы и кругосветные плавания! Всё это напоминает мне о «Титанике», и сущность всего этого — катастрофа.

И что мне остаётся, кроме самой себя?

Великое — невозможно, ничтожное — не для меня.

Тогда что мне остаётся, кроме самой себя?

Вот я и кричу во всю глотку и повторяю только одно слово: «Я!»

Ведь что мне остаётся, кроме самой себя?

ПИСЬМО 7

Когда река времени подхватывает тебя, как ничтожную щепку, и ты находишься в предвкушении невозможности что-то остановить, ключевое слово, которое приходит тебе на ум — «неизбежность». Где путь к истине и разгадка тайны жизни? Каждый идёт своей дорогой, но не каждый доходит, потому что много званых, но мало избранных. Путь познания — творчество, но даже оно не принадлежит тебе. Тогда ты заглядываешь вглубь себя и видишь бездну. Её пасть заглатывает тебя, словно чёрная дыра. Из каждого окна смотрят чьи-то глаза. Очень давно она спросила: «А может ли в чёрной дыре поместиться слон?» И я ответила: «И слон». — «А может ли дом?» — «И дом». — «А может ли гора Тянь-Шань?» — «И Тянь-Шань, и вся Земля, и даже больше», — ведь всё это помещается в глубине нас. И чтобы постигнуть Вечность, достаточно одного мгновенья, а Вселенную — единой точки. И чтобы стать самим собою, надо раствориться во всём.

Просто так...

1.

Не блефую ли я? Я блефую.
Я играю на нервах семьи.
Я из камешков мир собираю,
Из осколков бутылочных — сны.
Хороши ли мои преступления?
Преступленья мои хороши.
Сладко спят на ступеньках у рая
Убиенные мной малыши.

2.

Когда я досчитаю до трёх,
Тебе станет невозможно без меня,
Ты будешь чувствовать странную тревогу. Раз.
А моментами — безотчётный страх. Два.
Иногда — слабую надежду. Т..
И ты не поймёшь природу этих ощущений. Р...

3.

Париж похож на чёрную дыру
В моём сознании иррациональном,
И я впадаю в бред sentimentalный
И в розовую дымку на ветру.
На цыпочках пробравшись на чердак,
Я украла кусочек мироздания.
Откуда в этом крепком на вид зданье
Болезненно-сакральный полумрак?
Спасибо школе и привет родне:
Они мне открывали мир реальный —
А я смотрю на город виртуальный
Через узенькую щёлочку в стене.

4.

Завязали глаза. Шла по зеркалу льда.
Если б знала: на шаг впереди полынья —
Не свернула б назад. Трудно спорить с судьбой,
Но на этой земле стала гордой и злой.
Тонок лёд — остриём золотого ножа
Вскрыла вены себе чародейка-весна,
Напоила меня алой кровью своей
Допьяна, как и всех, всех своих дочерей,
Заплела мне косу золотым шёлком лент,
Отвела от меня семь несчастий и бед
И связала судьбу с чьей-то близкой судьбой —
Развязать узелок ей по силам одной.

5.

И мне не слышно криков, я слепа,
И этот мир мне слишком непонятен.
И пусть на мне так много тёмных пятен,
Но кто же без единого пятна?
Прими меня такой, какая есть,
Не жди ни святости, ни страшного порока:
Мой скромный ад, как пепел сигарет,
Уже не жжёт, лишь теплится немного.

6.

Со спины я опять не узнаю тебя.
Снова повод ищу, чтобы вскользь улыбнуться,
Чтоб зайти по делам, выпить чай невзначай,
К человеку с другими глазами и курткой.
Я уже знаю толк в этих будничных днях,
В разговорах пустых, в кривотолках обычных,
В суматохе весенней и в школьных звонках,
В этих детских глазах, посиделках приличных.
Раз, два, три. Не хочу ничего изменять,
Только чуточку солнца добавить в окрестность.
Всё уже хорошо. И мне нравится так
С детским садиком эта типичная местность.

7.

Я истончаюсь и схожу на нет,
Уже мне виден тот, далёкий свет
И слышен шелест крыл...
Как быстро ты меня забыл!
Так, словно не было меня совсем,
Так, словно я приснилась всем,
Себе самой...
Пора, пора домой,
В чужие сны, в чужие миражи!
Кощей-бессмертник этот на окне,
Я снюсь тебе, иль ты приснился мне?
Я бабочка или философ?
Как много на земле вопросов —
Ответ один.
Но стоит ли мне знать его? Ведь нет.
Пусть тайна будет тайной, бредом бред,
А я — вчерашним сном,
А я — сплошным туманом,
Обманом...

Γαύχαρο

* * *

Жёлтые соты с мёдом —
Окна жилого дома.
Небо смазано йодом,
Листья смазаны бромом.

Вбок скосит автобус
Центробежная сила.
Ночь вползает на глобус:
Кисть макнули в чернила.

Тихо вращают плеер
Сонные батарейки.
Надо найти скорее
Парковую скамейку.

Сон наш не будет долгим —
Чутко спят менестрели.
Зря ты не носишь, Ольга,
Кольца на своём теле!

Зря ты не носишь, Ольга,
Ножа на своём теле...

* * *

Крылом укрывается вечер,
Сползают на дно якоря.
Шумит новгородское вече
При виде приплывших варяг.

Кикимора в заячьей шкуре
И леший, вселившийся в ель,
Взирают надменно и хмуро
На войско далёких земель.

Поваренной соли кристаллы
Промёрзли сквозь ткань парусов,
И викингам снится Валгалла
В морях у седых полюсов.

* * *

Россыпь белая огнём —
Глаз безумен.
На сырой земле заснём, —
Ухал бубен.
Ухал филин в дикой чаще кипрея,
Звёзды падали с небес — и горели.

Дрогнул прут в руке твоей — чует воду,
Ибо клады он искать не обучен.
А от насыпи камней льётся холод,
Как от тучи грозовой, как от тучи.

Без седла и без подков бродят кони,
Озирают свои земли с курганов,
Где полынные листья ветер клонит,
Бьёт столбами от земли запах пряный.

* * *

Снова тьма рукопожатий,
Плѣнка в фотоаппарате,
Стол и скатерть, стол и скатерть,
Окна настежь — купол неба,
До него подняться мне бы!
Веры хватит, силы хватит.

Платье белое кружится,
Заставляя сердце биться
Как попало, как попало.
Мы с тобой писали шпоры,
Мы с тобой ходили в горы —
Это мало, очень мало.

А теперь — кольцо на палец,
Помнишь — в Книге был скиталец
Мохноногий,
Так кольцо ему дарило
Чудо-власть и чудо-силу
На Дороге, на Дороге.

Два кольца — уже кольчуга
Для всех любящих друг друга
Без возврата.
В грозный лук влюблённый лучник
И пернатый неразлучник
Им понятны, да, понятны.

Факир

Он, как всегда, привычно входит в образ,
Бамбуковую флейту достаёт,
Платком с лица стирает едкий пот
И выпускает на свободу кобру.

Быть может, зубы вырваны у ней?
Игра не стоит свеч, овчинка — пота, —
Ну, словом, бесполезная работа,
По новой вырастают зубы змей!

Факиру стало вдруг нехорошо:
Сдавил виски стальной холодный обруч,
И, не мигая, смотрит он на кобру,
Раздувшую свой страшный капюшон.

Нет, пронесло: она опять послушна,
И на глазах у замерших людей
Чуть слышно выдыхает чародей:
«Не дай бог, догадаются, что трушу».

Три дня не появлялся больше он.
Искать? Но даже имя неизвестно!
«Он умер, — нам сказал один из местных. —
Его ужалил ночью скорпион»...

Гундерн Джонни Фанк

Sub Drop #3

Мне нравится солнце, которого нет,
Мне нравится чувствовать тающий свет;

Кусочек любви на границе кровати —
Обрезали крылья — летать уже хватит;

И снова ветра и осколки Вселенной,
Следы от дождя на земле раскаленной.

Я только пришёл, а ты мне — Прощай!
Увидимся скоро? Иди. Не скучай...

И я уйду, чтоб уже не вернуться.
Сон так жесток, но пора бы проснуться.

Ботинки в грязи оставляют свой след...
Как думать о солнце, когда его нет?

Timeless

Красавица ты моя спящая,
Тебя мой поцелуй не воскресит.
Жизнь будто бы ненастоящая,
А время бесконечно вдаль летит.

Опять я по ту сторону реальности
Срываю одиночества цветы,
Танцую на обрыве крайности
И снова снисхожу до высоты.

Пылинка на морщинах вечности,
Я плакать и смеяться готов.
Вновь гимны немой Бесконечности
Слагаю из мятых стихов.

А я буду жить
tribute to M. Manson

Intro: *Ой! Что у тебя там? ...Задница?!*

Жёлтый закат приведёт с собой ночь;
Пьяные голуби — в лужах;
Я лишь дохлый маньяк — мне уже не помочь;
И живой я им тоже не нужен.

Мне не хочется спать, потому что во сне
Мне встречаются странные люди:
Они против того, что твориться во мне —
Всё, что есть, и другого не будет.

А я буду жить!
Назло этой сучке!
А я буду жить!
Всякие штучки
Мне нравятся больше, чем ваше дерьмо,
А всё остальное — ГОВНО!!!
ГОВНО-О-О! ГОВНО!

Я возьму этот бред и на части порву,
Вытру задницу им, как газетой,
Я взорвусь, как звезда, и бессмертным помру...
Наслаждаясь своею вендеттой.

Не хочу быть, как все — хоть целуйте мне зад:
Улыбнусь вам кривыми зубами,
Посмотрите вверх: в небе звёзды горят...
Про дерьмо лучше пойте вы сами.

А я буду жить!
Назло этой сучке!
А я буду жить!
Всякие штучки
Мне нравятся больше, чем ваше дерьмо,
А всё остальное — ГОВНО!!!
ГОВНО-О-О! ГОВНО!

* * *

Бутылка горького дерьма
Мне душу медленно согреет;
Лишь только мне верна она;
Лишь только в ней я смысл зрею,
По крайней мере, на сейчас...

Город был поглощён тьмой...

Отрывок из незаконченного

Город был поглощён тьмой, несмотря на то, что был ещё ранний вечер. В этих краях всегда темнело рано. Ночь, казалось, была на привилегированном положении. Она, как и всегда, сегодня надела своё блестящее чёрное платье, накрасила свой единственный глаз-луну серебряной тушью, закуталась в свой плащ из холодного северного ветра и отправилась на пир. Она была единственной гостью на этом пиру у Владык Миров, а главной закуской там было огромное красное солнце, приправленное всем живым на Земле. Она ела, отбросив все приличия, громко чавкая, старалась вместить в себя как можно большее. Она пихала в рот целые города и страны, помогая себе руками. Она толстела, жирела прямо на глазах, но всё равно продолжала жрать. Наконец, наступил предел — она надулась до того, что кожа её полопалась, и из ранок сочилась белёсая кровь, застывая в небе звёздами.

Джоли Линкс пробирался сквозь узкие улочки города, стараясь не попадать под свет, льющийся из открытых окон небрежно построенных зданий. Он помнил этот город красивой процветающей столицей королевства ВВВ, торговым центром всего севера. Этот город славился своими архитектурными шедеврами, роскошными площадями. Теперь они все были разрушены, и на их месте понастроили серых однообразных коробок, столпившихся друг на друге, как гнилые волдыри на заражённой чумой коже или как грибы в благоприятных условиях. Над городом возвышались только башни четырёх уцелевших замков: Гейрхильд, Арнгейр, Альварин и Хаук-Херлауг. Но они не выглядели так величественно, как раньше — они стояли угрюмо, молчаливо, сторбившись от стыда, как развращённые девушки на разговоре у отца. Они будто бы видели, в какую грязь их втоптали, и сожалели о том, что никогда не смогут отмыть эту грязь. Замки Хаук-Херлауг и Арнгейр — когда-то родной дом Вулфхарта — были переустроены в бордели для имперских солдат. Гейрхильд принадлежал королевской семье, там восседал Император. А в башнях Альварина Император проводил какие-то эксперименты над своим и чужими сознаниями.

Джоли Линкс остановился, прислонившись к тёмной стене, чтобы дать отдых больной ноге — он проделал большой путь. Послышались шаги, кажется, люди двигались в его сторону. Он спрятался за мусорными баками, которых по всему городу было больше, чем достаточно. Из-за угла выплыла парочка подвыпивших солдат. Джоли Линкс случайно дёрнулся, цепочка громко звякнула у него на шее. Солдаты остановились.

— Что там? — спросил один.

Второй посмотрел вокруг себя, вращая пьяными глазами, как колёсами.

— Крыса, наверное, — он пожал плечами и уже собирался продолжить своё «победное» шествие.

— Ты — дурак, — второй остановил его, схватив сзади за короткий лиловый плащ. — Разве крысы сделаны из металла?

— Нет...

— Но я слышал именно звук металла.

— Может, они питаются металлом или... играют с ним.

— Дурак! Крысы питаются мясом! — он выпрямил указательный палец, затыкал им в небо, как философ.

— Да что ты прикопался? — отмахивался второй. — Пошли, нам надо охранять спокойствие Империи.

— Вот именно — надо! Разве будет тут спокойно, когда по улицам шараются металлические крысы, как ты говоришь?

— Нет, не будет, — он опять пожал плечами. — Ну, давай посмотрим, что там.

Они склонились над мусорными баками, внимательно всматриваясь в темноту.

— Ничего нет.

— Пить надо меньше.

— Действительно, меньше надо пить.

Солдаты собрались было пойти дальше, они повернулись и дружно вскрикнули от испуга.

— Что ищете, господа? Вам помочь? — Джоли Линкс сделал шуточный реверанс. — Знаете, а ведь металлические крысы на самом деле существуют.

— Диссидент... — промямлил солдат в лиловом плаще.

Джоли Линкс сильно отличался от жителей Империи не только внешним видом, но и поведением, и даже тоном в голосе. Даже блеск глаз выдавал его. Император Хейдрек Гейрхильд издал приказ убивать на месте всех, кто хоть как-то отличался от общей массы или не следовал установленным стандартам. Солдаты это прекрасно знали, это входило в их обязанности. Они обнажили оружие. Весело засверкали в слабом лунном свете сабли и боевые топоры. Солдат в лиловом плаще, держащий в правой руке саблю, а в левой топор, с криком кинулся на Джоли Линкса. Джоли Линкс отскочил в сторону, солдат пролетел мимо, не смог удержать равновесие и со всего размаху грохнулся прямо на скопление мусорных баков. Отходы разлетелись фейерверком. Второй солдат зарычал, оскалив по-волчьи зубы, прокрутил топор в руке, показывая своё умение владеть оружием. Он думал, это должно испугать противника и поубавить ему наглости.

— Ути-пути! Вот мы какие! — Джоли Линкс улыбнулся так, будто бы перед ним вместо свирепого стражника маленький ребёнок размахивал деревянной саблей.

Солдат бросился в атаку. Два острых лезвия обещали разрубить диссидента на три части. Солдат взревел, и, казалось, его оружие тоже взревело, натолкнувшись на неожиданно возникшую преграду. Лезвия впились в длинную металлическую трость чёрного цвета, которую Джоли Линкс успел выставить перед собой. Он дёрнулся вперёд, солдат отцепился и упал на мощённую камнем дорогу. Трость Джоли Линкса перетрансформировалась в изящную шпагу, путём снятия с неё внешнего металлического футляра, служившего ножнами. Радостно смеясь, Джоли Линкс прикоснулся клинком к шее ёрзающего на земле солдата. Тот сразу же перестал ёрзать и затих. Второй солдат выбрался из кучи мусора и побежал на Джоли Линкса с поднятым кверху топором. Джоли Линкс резко развернулся, придерживая тело первого

ногой, и проткнул насквозь нападавшего, пробив шпагой его железную кирасу, как будто ткань иглой. Солдат повис на клинке, судорожно хватая ртом воздух, как рыба, вытасченная из воды. Из рта потёк, весело булькая, тёмный кровавый ручеёк. Джоли Линкс осторожно вытащил клинок из тела, которое тут же распласталось на земле, напоминая колбасное изделие.

— Диссидент, — слух Джоли Линкса улавливал слабое поскуливание. — Я ни в чём не виноват, я просто выполнял приказ. Пощади меня. Я не хочу умирать так рано. Я хочу жить!

— Для чего жить? Твоя жизнь пуста, лишена всякого смысла.

— Отпусти меня, — умолял солдат. — Пожалуйста, отпусти.

— Чтобы ты тут же поведал Императору о моём возвращении? Чтобы он выставил против меня целую армию таких же баранов, как ты?

— Нет. Я понял всё. Он не бог. Он управлял мной, он лишил меня способности мыслить. Он — дьявол. Отпусти меня, и я начну новую жизнь, — некогда грозный воин заплакал, как женщина.

— Странно, почему просветление приходит только перед смертью. Ты — конченный человек.

— Нет, я могу всё исправить, — говорил он, то и дело всхлипывая.

— Тебя уже ничего не исправит, кроме могилы, — сказал Джоли Линкс и с размаху воткнул клинок прямо в шею солдата, фонтаном брызнула кровь. — Душа свободна от предрассудков, а тело — это оковы для души. Ты так мечтал, чтобы тебя съели крысы.

Тело солдата утонуло в потоках крови. Джоли Линкс вытер шпагу и свою одежду о более-менее чистый плащ второго трупа, вставил тонкий изящный клинок в футляр-ножны, двинулся в дальнейший путь. Город спал, охраняя его спокойствие, по улицам ходили вооружённые топорами солдаты, но Джоли Линкс пытался не попадаться им на глаза. Иногда пробежала какая-нибудь испуганная шлюшка. Крысы, обитавшие в мусорных баках, почувствовали запах падали, созывали родичей на пиршество. Казалось, они больше всех радовались смерти двух имперских стражников. Да, именно после смерти эти люди нашли себе применение. Крысиные матери накормят своих детей гнилой имперской плотью, те вырастут и родят своих детей, а возможно, их далёкие потомки когда-нибудь станут металлическими. Жизнь не остановилось, если уж она когда-то зародилась, то её уже не остановишь ничем. И никакая империя не сможет остановить её, задержать на каком-то мгновении, эволюция будет продолжаться, пока эта самая империя не сожрёт себя изнутри своими же собственными предрассудками. И тогда всё снова будет весело.

Вот уже и площадь перед замком Гейрхильд, на ней кишит охрана, как муравьи перед муравейником. Они патрулируют окрестности, охраняя жизнь и спокойствие Императора. Естественно, через главные ворота не войдёшь. Нужен другой вход! Но другой вход, в отличие от выхода, имеется всегда, причём в великом множестве себе подобных. Джоли Линкс присел в тени, обдумывая ситуацию.

Довольный и сытый, Император Хейдрек Гейрхильд отправился в тронную залу в сопровождении пьяной рыжеволосой девицы. Девица шаталась из стороны в сторону, при этом громко смеялась, запрокидывая голову. Император шептал ей пошлые словечки, вожаделенно стрелял глазами, а сам елозил рукой её пухлый зад, а она вертела задом, пытаясь увильнуть от руки Императора, и смеялась ещё громче. Сейчас они войдут в тронную залу, выгонят стражу, поднимутся по ониксовым ступенькам, Император сядет на трон, а девица ему на колени... И начнётся... А потом она пристроится у подножия трона... Он уже чувствовал прикосновение её горячих губ, её дыхание... А потом... Император мысленно целовал её груди, язык касался её упругих сосков, он слышал, как она стонет, чувствовал, как вздрагивает её тело... И сам он бьётся в агонии экстаза. Потом он берёт её за волосы и заставляет слизывать ту самую белую жидкость, которая, по идее, должна давать начало новой жизни... А потом он ещё что-нибудь придумает. Он будет мучить её, чего она, конечно же, не ожидает. Какие у неё будут глаза! Она будет молить о пощаде. А он будет издеваться над ней, пока от неё вообще ничего не останется...

Все эти мысли не могли не отразиться на его теле.

— О-о-ого! — девица заметила это, она на секунду сделала огромные глаза, тело её задрожало от дикого смеха.

Они приблизились к золотым, украшенным витиеватыми узорами дверям. Две стоящих по обе стороны прохода, ведущего к дверям, колонны стражников, одетые в сверкающие доспехи, отдали Императору честь. Он кивнул им головой. Девица ослабилась. Император вынул из-за пояса маленький золотой ключик, засунул его в замочную скважину, повернул пару раз — двери открылись. Они с девицей буквально ввалились в тронную залу.

В зале было почти темно, лишь слабый свет с трудом пробирался сквозь грязные витражи и тяжёлые портьеры. Император потащил девицу к лестнице, на золотой трон. Послышался какой-то случайный шелест. Он поднял голову, слегка опешил, в глазах его промелькнул испуг. Он потряс головой, думая, что его глючит по пьяни, затем посмотрел ещё раз: на троне сидела какая-то тёмная фигура в высокой шляпе с полями, окружённая мерцающим розовым дымом. Император остановился в недоумении.

— Свет! — крикнул он всё ещё смеющейся девице. — Свет! Зажги факелы, дура!

Он отпустил её руку, она грохнулась на пол, тут же перестала смеяться.

— Чего ты ждёшь? — гаркнул на неё Император. Она быстро поднялась и с испуганно-покорным лицом побежала выполнять его волю. Хейдрек Гейрхильд взглянул на трон, фигура и не думала исчезать.

Вскоре зала наполнилась светом.

— А-а-а! — вскрикнул Император, когда человек, сидящий на троне, в упор посмотрел на него. Светло-серые глаза, полные ненависти и упрёка, встретились с полупьяными, испуганными глазами Императора. Взгляд воткнулся во взгляд. Однако Император смог взять себя в руки, он громко выругался — незваный гость разрушил его мечты в отношении рыжей девицы.

— А, старый друг! — затем произнёс он по-театральному весело, встав в соответствующую позу.

В это время — видимо, почувствовав что-то неладное — в залу ворвались кричащие стражники с обнажённым оружием. Они кучей столпились в дверях, соображая.

— Что вы здесь столпились, собаки?! — Император чуть было не прожёт их глазами. — Убирайтесь вон!

— Мы думали, что ты в опасности, Повелитель. Мы... — тихо пробормотал один из стражников, самый толстый и, видимо, самый преданный.

— Ах, вы ещё думать умеете?! Этот человек — мой друг. Убирайтесь вон! И её захватите! — он указал на рыжую девушку, тихо сидящую в тёмном углу залы — когда Император взбешён, то лучше всего спрятаться и не попадаться ему под горячую руку. Она бесшумно встала и побежала к выходу, проталкиваясь сквозь оторопевшую толпу стражников.

— Ну... — Император нервно затряс руками. Стража вывалила наружу, захлопнув за собой двери. Оставшись один, Император повернулся к гостю. На красивом лице человека в шляпе играла наглая сардоническая ухмылка. Он был одет в куртку из блестящей чёрной кожи, украшенную серебряными заклёпками, такие же чёрные брюки; шею, обрамлённую длинными золотыми волосами, обвивала серебряная цепочка; изящные руки держали длинную чёрную трость, заканчивающуюся серебряным набалдашником в виде черепа. Он раздавил сигарету о подлокотник трона и рассмеялся.

— Прекрати! — Император сказал требовательным тоном. Он ходил взад-вперёд по блестящему мраморному полу.

Человек в шляпе продолжал смеяться. Розовый дым постепенно рассеивался.

— Прекрати! Не надо! — голос Хейдрека Гейрхильда звучал почти умоляюще. — Чего ты хочешь? Зачем ты вернулся через двадцать три года? Ты уселся на мой трон. На МОЙ трон, — голос выровнялся и зазвучал уверенно, даже самоуверенно. — Я знаю, ты превосходишь меня, морально превосходишь. Но элементарные нормы поведения? Ты избрал очень странный способ, чтобы добиться аудиенции. Ты странный. Ты — анархист.

— Я не анархист, — голос Джоли Линкса звучал глухо и жёстко. — И способ этот до пошлости банальный. У тебя немногочисленная стража.

— Зачем ты пришёл? Пришёл просить помощи? Средств к существованию? Великий художник, музыкант, поэт, отставной фельдмаршал... — Император поднял руки к потолку, пытаясь изобразить лицом трагическое выражение. — Ты остался в нищете?

— Нет, мне не нужны деньги. Я хочу узнать, что ты затеял.

— Да... Сколько тебе лет? За сто уже? Почему ты не стареешь?.. Знаешь, я всегда восхищался тобой, — произнёс он задумчиво. — Ты был моим кумиром. Ещё тогда, мальчишкой... Я восхищался твоей теорией.

— Теорией?

— Я — твой примерный ученик!

— Хотелось бы узнать, что это за теория, — Джоли Линкс глянул на него вопросительно.

— Но плох тот ученик, который не превзошёл учителя, — глаза Хейдрека Гейрхильда наполнились радостью, неистово засверкали. — Восхищайся мною! Я — могущественный правитель огромной империи. Скоро я подчиню себе весь мир.

— Это моя теория? — хмыкнул Джоли Линкс.

В воздухе возникло напряжение, атмосфера раскалялась. Император ходил взад-вперёд, сильно жестикулируя. Он чувствовал, что сердце его бьётся всё быстрее и быстрее, руки дрожали, ему стало жарко, под носом выступили капельки пота. Голос его обрёл силу и мощь, слова отражались о каменный потолок, грохотало эхо. Он уже не бормотал себе под нос, тихо и невнятно, а кричал нагло, с каким-то чувством превосходства:

— Ты говорил, что человек не должен считаться с толпой, должен быть выше её, быть над толпой. Смотри, как высоко я поднялся.

— Ты превратил своих подданных в стадо баранов, в зомби.

— Да, я построил их всех по одной схеме. Я пустил их мысли в одном направлении, больше среди них не найдётся умников-диссидентов. Они чётко знают, что хорошо, что плохо, что можно, что нельзя.

— Ты сделал из них однообразную серую массу, ты лишил их мысли.

— Да. Ты говорил, что масса ненавидит диссидентов. А они почитают меня как бога. Там, где мысли, там недовольство, мятеж. Ими легко управлять. У меня нет конкурентов, никто не сомневается в моей правоте, никто не оспаривает моих великих способностей!

— Это не моя теория! — Джоли Линкс чуть не соскочил с трона, глаза его гневно сверкали, голос был металлическим. — Ты искажил её, упростил до примитива! Настоящий человек вырастает в мире борьбы, в мире противоречий, его окружает бесчисленное множество идей, а он выбирает свою. Ему не нужно стадо баранов затем, чтобы чувствовать себя выше их. Его видно издалека, он выделяется в толпе, выделяется своеобразием своей идеи. И он борется за свою идею, за свою свободу. Когда не за что бороться, нет новых идей, человек деградирует, разлагается. Свобода твоей мысли не означает отсутствие чужих мыслей. А способности ещё надо доказать честным трудом, а не уравнивать всех.

— Ха! Зачем усложнять! Я и так доволен. Я добился того, чего хотел. Неужели ты никогда не мечтал об этом? — Император нагло ослабил.

— Нет! У идей должен быть источник, а источник их — в бесконечном разнообразии мира. Вот моя теория.

Джоли Линкс встал с трона, спустился с лестницы, опираясь на трость, пошёл к дверям, ведущим наружу.

— Ладно, тогда я изобрёл свою теорию. Хм... Однако ты выглядишь всё же высокомерным, — высказал Хейдрек Гейрхильд, когда Джоли Линкс прошёл мимо него.

Джоли Линкс остановился в дверях, повернувшись к Императору:

— Что ж, не отнять.

— Послушай! Скоро весь мир падёт к моим ногам! Я стану богом! Я сделаю тебя своим «заместителем». Ты хочешь почувствовать себя богом?

— Я и так бог. Мне не нужны дешёвые пути.

Почувствовав раскалённые флюиды зла, исходящие из зала, в проём между дверями осторожно просунулась блестящая красная рожа толстого стражника в коническом шлеме. Император на этот раз одобрительно кивнул. Вошли остальные стражники, выстроились вокруг Джоли Линкса, обнажив маленькие кривые сабли. У некоторых за спиной висели луки и колчаны со стрелами, и теперь они были приведены в боевую готовность, острия стрел были нацелены прямо в незащищённое тело Джоли Линкса. Он не был готов к такому повороту событий, поэтому слегка растерялся, оказавшись в западне. Император улыбался и вообще выглядел очень довольным.

— И что? Думаешь, война обойдёт тебя стороной? Что ты будешь делать? Думаешь, я буду спокойно спать, зная, что у меня под боком сидит паук-диссидент и плетёт свою паутину, чтобы затем набросить её на меня? Нет. Выбери. Или мы вместе будем богами, или я сделаю тебя одним из моих «баранов». Я даю тебе возможность выбора, потому что уважаю тебя.

— Никто не имеет права мною повелевать! — выплюнул Джоли Линкс. — Я не хочу быть руководителем зомби.

— Тогда ты выбираешь второе. Ты сам станешь зомби! Или умрёшь. Но просто так я тебя не оставляю. Ты серьёзный противник. Ты — король. Но до поры до времени.

— Мне в любом случае придётся взяться за оружие, хотя я и поклялся двадцать пять лет назад, что больше не пролью чужой крови.

— Глупо! Ты один, у тебя нет армии. Король без армии! Ха-ха! Моё огромное войско скоро вторгнется в твои владения и не оставит ничего крупнее песчинки! Я пошлю против тебя отборных солдат, откуда мне знать, на что ты способен. Обычно я вижу людей насквозь, но ты остаёшься непроницаемым. В тебе что-то есть. Но ты всё равно сдашься либо умрёшь. Ты слишком горд. Что ты будешь делать со своей гордостью? Когда я с большим удовольствием буду «иметь» тебя. Когда ты будешь лизать мои ноги и сосать то, что между ног. Это будет как сходить в золотой туалет, большая честь. Ха! А если ты захочешь умереть, не думай, что я отпущу тебя на тот свет задаром. Я знаю, что сделаю с тобой.

Джоли Линкс повернулся к дверям, сделал несколько шагов. Стража обступила его плотнее и ухмылялась, только и выжидая, когда Император прикажет разорвать его в клочки. Джоли Линкс оглянулся через плечо:

— Ответь мне ещё одно. Как тебе удалось превратить тысячи людей в зомби?

— Ха! Ты сомневаешься в моих великих способностях! Ничего, скоро ты с ними столкнёшься и узнаешь всё на собственном опыте.

Он скомандовал стражникам:

— Что вы встали, уроды?! Освободите проход! Вы недостойны его! Я слишком высоко ценю его, чтобы позволить вам это сделать. Дайте ему возможность подготовиться... к своей участи. Пускай он достойно примет её.

Стражники отступили, толкаясь и ругаясь — естественно, не вслух. Выстроились в две кривые колонны. Джоли Линкс медленной и, несмотря на хромоту, гордой поступью вышел из зала. Разочарованная стража выползла за ним.

— А ты, — крикнул Император толстому стражнику, — найди эту рыжую сучку и приведи её сюда!

Толстый, пыхтя и фыркая, побежал исполнять приказ. Император остался один в большой полутёмной зале. Он медленно поднялся по лестнице из оникса, грохнувшись с размаху на мягкое бархатное сиденье золотого трона, закутался в свой драгоценный плащ. Тёмно-красные волосы волнами разбежались по его плечам. Он исподлобья оглядел помещение, в котором находился: розоватый мраморный пол; гербовые штандарты королевской фамилии Гейрхильд, свисающие с потолка, как разделанные туши быков; высокие окна-витражи, завешенные запылёнными портьерами; древнее ржавое оружие и догорающие факелы на стенах. А где же королевский блеск? Свет, роскошь? Где лакеи, пажи, шуты, разодетые в блестящие полосатые ткани? Где напудренные придворные дамы в декольтированных платьях? Министры, полководцы, священники? Где всё это, что было при отце, что есть у других монархов? А у него только тупая хмурая стража да целая армия грязных безмозглых шлюх. И многотысячное стадо баранов, где он — единственный пастух. Ему не нужны священники, он сам избобрёл свою собственную религию. И весь пантеон целиком принадлежит ему. Ему не нужны полководцы — он сам ведёт в бой своё стадо. Стадо...

Вдруг огромная зала показалась Хейдреку Гейрхильду маленькой тёмной комнатушкой, ему стало тесно, неудобно, одиноко. Одиноко. Одиноко сидеть в собственном храме, посвящённом самому себе. Он сейчас бы плюнул на всё...

Он собрался с мыслями. Он — великий властитель огромной империи, империи без диссидентов. Ничего, скоро он завоюет и остальной мир, и не будет других монархов со всей их показной роскошью, а будут только рабы... рабы и бараны. Горькая улыбка расплзлась на его усталом лице.

Вошёл тот самый толстяк, волоча за собой рыжеволосую девушку. Она окончательно протрезвела, испуганно озиралась по сторонам. Толстяк выглядел очень довольным. Его пузо с гордостью выпирало из-под бронзовой кирасы. Он с силой бросил девицу на пол, а сам учтиво поклонился.

— Я выполнил приказ, мой Император! — произнёс он громко, чётко, с расстановкой, но голос всё равно звучал паршиво.

— Запри двери, — небрежно бросил Хейдрек Гейрхильд. — Э, нет. Куда? Останься, — стражник попытался выскользнуть из залы, но Император остановил его. Глаза Хейдрека Гейрхильда загадочно заблестели, он улыбнулся, потирая руки одна о другую.

Долго гуляло по полупустому замку эхо от диких криков, стонов, воплей мужских и женских. Плоть насиловала плоть, и кровь тяжёлыми мутными каплями разбивалась о золотой трон, стекала ручейками по тёмному ониксу лестницы. Долго Император успокаивал возбуждённые нервы, восстанавливал повреждённое самолюбие. Насытившись, он отправился спать. А на мраморном полу тихо стонали, дёргаясь в предсмертных конвульсиях, толстяк и рыжеволосая девушка. Этой ночью их не стало. На следующий день свиньи громко чавкали, посылая хвалу своим свиньим богам, когда пожирали останки двух изуродованных тел.

— Джоли Линкс! — крикнул Вулфхарт, вскакивая с кровати. В комнату вбежала испуганная его окриком Нанна.

— В чём дело? Ты кричишь во сне? Ты не болен? — забеспокоилась девушка. Она потрогала его лоб, он был горячим. Вулфхарт схватил её за руки.

— Мы должны немедленно навестить Джоли Линкса! Ему грозит опасность, — прокричал он срывающимся голосом.

— Почему ты так решил?

— Я почувствовал это, сам не знаю как, — он успокоился, выпустил руки девушки. Она села рядом с ним.

— Но чувства иногда обманывают, — мягко сказала Нанна, водя своей рукой по его руке.

— Я знаю. Но это чувство как бы говорит, что ему стоит поверить. С ним случится что-то страшное, если я не приеду ему на помощь. По-моему, это Хейдрек Гейрхильд что-то затеял. Я, кажется, и его тоже чувствую. Да и вообще, если мои чувства врут, то всё равно неплохо было бы навестить друга.

— Это далеко.

— Не очень. Недели две езды. Но нам надо поторопиться.

— Интересно, почему страны с такой лёгкостью позволяют себя завоевывать, — стала рассуждать Нанна. — Неужели они не могут объединиться?

— Говорят, они просто не в состоянии соображать. Вместо хорошо организованной армии завоевателей встречают женщины с цветами, — он улыбнулся, но улыбка не была весёлой.

— Но раньше всё-таки пытались давать отпор.

— Пытались, например, как жители городка Клудлау, которые чуть не сожгли меня на костре, как демона. Нечестно! — Вулфхарт стукнул кулаком по кровати. — Я же им помог. Считаю, я один обратил имперских солдат в бегство.

— Но они же потом предложили тебе возглавить ополчение? Мне кажется, ты правильно сделал, что отказался. А то был бы уже мёртв, как они все.

— А мне кажется, эту войну не победить с помощью одного только железа, я имею в виду меча, здесь замешано что-то сверхъестественное. Я начинаю верить в чудеса.

— От местных мудрецов я слышала, что Хейдрек Гейрхильд умеет управлять сознаниями людей на расстоянии. Помнишь, как я рассказывала тебе о таких людях, и как ты на меня разорался тогда? Хейдрек сам ведёт в бой свою армию, при этом не выходя из тронной залы. Он ещё до того, как посылать свои отряды на какой-либо город, превращает жителей в своих рабов, и его войскам только и остаётся, как пройти победным маршем по алым половикам.

— Интересно, если он завоюет весь мир, куда мы с тобой убежим? Не будем же мы выжидать в какой-нибудь подземной норе, когда он соизволит умереть собственной смертью, не оставив после себя потомков, и когда им-

перия потихоньку развалится? Возможно, нам придётся сыграть в этой истории одну из главных ролей. Наверное, придётся искать помощи у правителей других материков. Но сначала мы должны помочь другу. Мы выезжаем прямо сейчас, — он встал с кровати, переделся, собрал растрепавшиеся волосы в пучок на затылке.

— Даже не позавтракав? — удивилась Нанна.

— Ну, можно и позавтракать. Это придаст нам сил, и мы быстрее доберёмся до Сиреневых Песков.

Они собрали сумки и спустились вниз, в столовую, заняли свободный столик. Вулфхарт заказал завтрак и, пока повара готовили еду, пошёл к хозяину гостиницы, заплатить за комнату.

— Что, уже отъезжаете? — спросил Вулфхарта добродушный толстяк, принимая деньги. — Вам здесь не нравится?

— Здесь довольно славно, но у нас есть срочное дело.

— Опасно сейчас по миру-то с делами разгуливать. Война кругом, — толстяк уселся за свой обеденный стол, жестом пригласил Вулфхарта присоединиться. Они выпили по бокалу вина за здоровье хозяина.

— Что тебе известно о войне? — спросил Вулфхарт.

— Немного, обычно наши постояльцы не любят говорить на эту тему — боятся, — толстяк причмокнул липкими лоснящимися губами. — Говорят, никто даже не сопротивляется нашествию. И что-то странное делается с людьми после завоевания.

— Это я знаю. Ещё говорят, что Император владеет какой-то силой.

— Ага, это тоже говорят, — он налил ещё вина в бокалы. Они выпили за здоровье матушки Айши.

— Скажи, а ты веришь в это?

— А иначе и нельзя. Слишком странная война. Считаю не война, а какой-то наглый захват территорий, даже не нахожу слов, как это назвать.

— Куда они уже пришли?

— Говорят, Фириал-Фара уже пала, точнее, сдалась. Хотя, говорят, там шли бои, настоящая осада была. Почти все жители были уничтожены. Скоро это дойдёт и до нас. Надо бежать. Но куда?

— Пойдём с нами. Я думаю, ты нам не помешаешь.

— Не могу. У меня семья: семеро малюток, жена и больная матушка Айша. Я не могу их оставить и взять с собой тоже не могу. Буду надеяться, что захватчики их не тронут, если мы сдадимся.

— Так организуйте оборону заранее, что вы будете сидеть, сложа руки, дожидаясь своей участи? — Вулфхарт разгорячился, демонические глаза за сверкали.

— Это не ко мне. Это решает правительство, — толстяк встал из-за стола и продолжал, машинально убирая грязную посуду. — Бывало, что кто-то и собирал целые армии, чтобы противостоять нашествию, но, как только захватчики приближались, вся оборона дружно падала перед ними на колени. А потом они пополняли имперскую армию.

— Но ведь сидеть просто так и ждать?!

— А что остаётся больше делать? — он тяжело вздохнул, взгляд его выражал безнадежность, но не отчаяние. Он уже давно смирился со своей участью и просто продолжал выполнять свою обычную работу, как и большинство жителей всего материка.

— Ладно, я пойду. Меня ждёт Нанна, — сказал Вулфхарт, направляясь к выходу.

— Хорошо, я прикажу седлать вам лошадей. Всего хорошего, — толстяк помахал ему своей широкой мясистой рукой.

— Спасибо, — Вулфхарт улыбнулся ему, обернувшись через плечо.

— Да хранят вас Владыки!

— И тебя! — он вышел за дверь, захлопнув её за собой.

Улыбка исчезла с его лица.

— Если они есть, — процедил он сквозь зубы.

Нанна увидела его и помахала рукой, призывая к себе.

— Заждалась ты меня, солнышко, — он натянул на лицо фальшивую улыбку, но удержать её не смог, выражение всё равно осталось серьёзно-сосредоточенным. — Я разговаривал с хозяином.

— Что он сказал? — поинтересовалась девушка.

— Ничего нового. Разве только, что Император уже захватил Фириал-Фару. Это совсем недалеко отсюда.

Вулфхарт сел за столик, подвинул к себе тарелку, пару раз тыкнул вилок, подцепив какие-то штуки, и отправил их в рот, слегка поморщился, сделал презрительную рожу и с усилием заставил себя проглотить еду.

— Еда остыла, пока ты ходил, — пояснила Нанна.

— Ничего, попросим разогреть. Девушка! — окликнул он молодую официантку, спешно семенящую между столиками. — Не могли бы вы разогреть мою еду?

— Да, сейчас, — официантка подцепила тарелку одной рукой и понесла её на кухню.

— Какая ты у меня умница! — сказал Вулфхарт Нанне, удобно развалившись на стуле.

— Вулфхарт, не надо! Не при людях! — прошипела она на него.

— Ладно, не буду. Но ты и в самом деле умница!

— Нет, не умница. Я очень наивная.

— Ты просто очень добрая. Засранцу Альдису, похоже, не хватило мозгов, чтобы оценить тебя по достоинству. Он способен был оценивать только по внешности.

— Большие груди — не единственное женское богатство. Не надо больше о нём. Грех промывать мёртвым косточки.

— От него и костей-то не осталось, один только пепел.

— Не надо.

— Ваш завтрак, — официантка принесла тарелку, поставила её перед Вулфхартом.

— Ой! Горячий, — он прикоснулся к тарелке и сразу же отдернул руку. — Спасибо.

— Не за что, — сказала официантка и засеменила дальше.

Вулфхарт начал поглощать свой завтрак, предварительно дую на него, чтобы он остыл. Нанна смеялась, глядя, как он это делает. Покончив с едой, Вулфхарт наполнил кубки вином.

— Выпьем за нас! — сказал он, поднимая свой кубок.

— Выпьем.

Они выпили, потом встали из-за стола. Девушка-официантка торопливо убрала грязную посуду, освобождая место для новых посетителей. Вышли во двор. Там их уже ждали осёдланные лошади. Вулфхарт помог Нанне сесть в седло, приторочил к нему дорожные сумки. Сам он вскочил без помощи стремян на вороного жеребца, демонстрируя Нанне свои навыки — он всё-таки был воспитан по всем рыцарским традициям. У жеребца слегка подкосились ноги от такого прыжка, но он устоял. Нанна засмеялась.

— Что?

— Я представила, что было бы, если бы конь упал.

— Это крепкая лошадка, — он погладил шею жеребца.

— Ну, тогда — если бы ты промахнулся.

— Не смешно. Ладно, в путь.

Вулфхарт прищипорил коня так, что тот встал на дыбы, громко заржав, и понёсся вперёд через улицы ААА. Нанна хлестнула плёткой своего жеребца-альбиноса, тот пустился вслед за собратом. Вскоре она поравнялась с Вулфхартом. Они улыбнулись друг другу. Замечательная пара по своему контрасту: мрачный, демонической внешности мужчина на чёрном коне и светлая, похожая на ангела девушка на белом. И они любили друг друга.

Две недели скакали они, практически без остановок. Спали и ели тоже практически на ходу. Многие города промелькнули перед ними, многие границы пришлось пересечь, многие реки перейти вброд. Многие дикие звери пытались преследовать их на лесных тропинках, многие разбойники поджидали их в кустах. Но они пролетали мимо них, как ветер, так, что те не успевали моргнуть глазом. В Райшгархеке, древней столице Варпрака, они купили себе новых коней, потому что те были загнаны и уже собирались было издохнуть. Вулфхарт и Нанна уже не выделялись контрастом, обе лошади были гнедые с одинаково белыми ногами. Но они были сильнее и выносливее. Варпракские лошадиные породы славились на весь континент, Вулфхарту пришлось выложить почти весь свой капитал. Они отправились дальше. К концу второй недели копыта лошадей утонули в сиреновом песке. Теперь нужно было найти «резиденцию короля». Если бы не указатели, которые Джоли Линкс установил по всей пустыне, то задача была бы практически невыполнимой. Кругом было только однообразное море сиренового песка, и лишь кое-где встречались оазисы скудной растительности и неглубокие грязные водоёмы, на побережьях которых гнездились экзотические птицы Гуу-му и охотились рыжие членистоногие кошки.

Хейдрек Гейрхильд закрыл глаза от усталости, а не по необходимости. Странные ведения залезли в голову Хейдрека Гейрхильда. Он видел сиреневые барханы, растянувшиеся несколькими тысячами километров. Пыли песка перед глазами. Запах потной лошади. Он ехал в седле. Вокруг была пустыня. Он крепче сжал поводья. Рядом с ним ехала всадница. Её лицо украшала лучезарная улыбка, светлые волосы волнами развевались на ветру. Он всё глубже вглядывался в лицо девушки, оно ему определённо нравилось. Вдруг оно стало серьёзным.

— Что-то не так? — спросила его девушка.

Внезапно образы начали таять. Хейдрек Гейрхильд снова оказался в своей спальне. Он сидел на устланной богатыми покрывалами кровати. Рядом с ним валялась спящая девушка с обнажённой грудью. Хейдрек внимательно рассмотрел её. Фу, какая мерзость! Она открыла глаза и потянула к нему руки, желая доставить ему неземное, как она считала, удовольствие. Он с силой ударил её по лицу, сломав ей челюсть. Она попыталась кричать, но поняла, что всё равно ей никто не поможет, да сломанная челюсть причиняла жуткую боль. Хейдрек столкнул её с кровати.

— Убирайся прочь отсюда! Сучка! Я не хочу даже смотреть на тебя! — прошипел он. Она послушно выползла за дверь, на ходу выплёвывая кровь.

— Облегчите её страдания! — крикнул Хейдрек Гейрхильд стражникам, охранявшим его покои. Стражники знали, что он имел в виду. Послышались короткий вопль и шаркающие шаги. Тело уносили прочь. Опять тишина.

Хейдрек сосредоточился, пытаясь заново воскресить образ светловолосой красавицы. Он обладал способностью видеть мысленно на огромном расстоянии. Его, похоже, поразила стрела Амура! И почему он раньше не видел этой девушки? Ему просто было некогда из-за возни с тупой армией и с завоёванными народами. Эти люди даже никогда не видели своего завоевателя, но почитали его, как бога. А эта девушка к ним не относится, её сознание ещё не изменено. А ведь она кому-то уже принадлежит. Он видел её от лица какого-то мужчины. Ну, не проблема! Не проблема и её найти. Как только он покончит с Джоли Линксом, он обязательно её отыщет. Она будет его невестой, а с её возлюбленным он сам разделается. Хотя этот человек показался Хейдреку поразительно знакомым, почти родным. Ладно, пусть это только показалось.

Как бы Император ни напрягался, образ девушки он не воскресил в своём сознании. Он отчаялся и лёг спать, закутавшись в шёлк и дорогие меха, чтобы не замёрзнуть холодной северной ночью. Ему порой тоже снились страшные сны, а в самом страшном из них он представлял себя властителем преисподней, а вокруг него был огромный сумасшедший дом, насквозь пропитанный гротеском. Хейдрек Гейрхильд кое-что знал, о чём не подозревали ни Джоли Линкс, ни Вулфхарт Арнгейр. И это его беспокоило больше, чем завоевание мира. И он пытался в этом преуспеть, зная, что если преуспеет кто-нибудь другой, то все его мечты рассыплются прахом, впрочем, как и его жизнь. Он также смутно догадывался, что произойдёт, когда он добьётся свое-

го, и это его пугало. Он знал, что ему не сохранить здравого рассудка. Но всё равно Хейдрек Гейрхильд, могущественный император, надеялся на благополучный исход, а надежда, как известно, умирает последней. И Хейдрек плакал во сне. Он не подозревал, что этот «кто-то другой» находится совсем рядом.

*

На небе, где вовсю сияли звёзды, нечто шевельнулось и открыло глаза. Оглядевшись вокруг, оно стало рассуждать: «Интересно, что будет тогда, когда Хейдрек достигнет вершины своего Олимпа? Когда нечего будет завоевывать, и не будет ни одного диссидента? Каково ему будет там, на вершине, в полном одиночестве? Всё, цель выполнена, достигнуто насыщение, не с кем больше бороться, да и не за что. Я знаю, он прыгнет вниз от скуки и безнадёжности, от пустоты, возникающей, когда первое впечатление проходит. Либо сойдёт с ума и всё равно прыгнет. В любом случае он самоуничтожится. Это же может грозить и Вулфхарту. Но, в отличие от них обоих, я умею видеть будущее и сочинять прошлое. Я вижу иную картину. Куда более страшную. Но мы сами затеяли эту игру, а теперь не имеем права остановить ход событий. Будем молить самих себя, чтобы всё прошло гладко, а то и нам достанется. А мне каково? Но ведь я другое дело, у меня есть задание, но нет цели — по сути, одно и то же. Мне нужно блюсти правила, собственнопридуманые правила. Интересно, что же управляет мною?» — нечто закрыло глаза и снова погрузилось в черноту ночи, так и не придумав ответа на свой вопрос.

*

— Что-то не так? — спросила Нанна Вулфхарта, увидев странное выражение его лица.

— Меня посетило какое-то видение. Я находился в какой-то комнате с богатым убранством, вероятно, чьей-то спальне. Я сидел на кровати, а рядом со мной лежала полуобнажённая женщина.

— Женщина?

— Некрасивая. Не нервничай, я не испытывал к ней ничего, кроме отвращения. Возможно, это мои потерянные воспоминания.

— Или чужие?

— Может, и чужие. Тогда чьи? И зачем они вторглись в моё сознание? Будто кто-то посылает мне сигналы.

— Давай не будем об этом. Смотри, — она указала рукой в направлении высокой сюрреалистической башни. — Так выглядит дом Джоли Линкса?

— Да, мы приехали.

Они погнали коней с максимальной скоростью. Въехали во двор псевдодворца. Вулфхарт остановил коня, подняв огромные тучи пыли, спешил.

— Подожди здесь, — сказал он Нанне и побежал по металлическим ступенькам вовнутрь конструкции. Прошло пятнадцать минут. Вулфхарт выскочил во двор, на его лице читалось беспокойство.

— Его здесь нет, — сказал он, запрыгивая на лошадь. — Вон следы на песке, совсем свежие. Он недавно покинул это место.

— Мы поедem его искать?

— Нет, я поеду, а ты останься здесь. Там может быть опасно. Погуляй, посмотри картинки, поиграй с кошкой...

— Вулфхарт! Я... — ветер и шум песка под копытами лошади съели её слова, Вулфхарт был уже далеко. Нанна осталась на месте и лишь недовольно покачала головой.

*

Дохлое солнце всё ещё царапало мутную, похожую на жидкое стекло однородную массу серого неба. Оно не хотело умирать, не хотело быть проглоченным надвигающейся тьмой. Оно боялось её когтей. Оно взывало к тучам, думая, что сможет спрятаться за ними, но небо, как назло, оставалось безоблачным. А впрочем, ночь и не торопилась занять свои позиции, она сидела в засаде, ждала, чтобы затем напасть неожиданно, что и бывает этими бесконечными летними вечерами в пустыне. Воздух был горячим и густым, почти видимым, поэтому предметы зрительно теряли свои очертания, расплывались в непонятные пятна. Длинные расплывчатые тени ползли по горячему песку к далёкому горизонту, лениво переваливаясь через барханы, размывавшие под мягкими лучами вечернего солнца. Всё было спокойным, спящим, но только с виду. В воздухе витало какое-то странное невидимое напряжение, всё как бы затаилось, застыло в ожидании чего-то страшного.

Джоли Линкс спустился по широкой железной лестнице, ступил на горячий песок. Он был совершенно спокоен, как бы находясь в гармонии с окружающим миром, но, опять же, спокойствие было только на лице и в осанке, глаза говорили совсем другое. То же говорило и его одеяние: вместо клоунского костюма или одежда одинокого странника на нём были доспехи из блестящего металла, рогатый шлем без забрала с ярко-алым плюмажем, на плечи накинут протёртый временем бархатный плащ красного цвета. В правой руке он держал меч, длинную клеймору, сверкающую красноватым оттенком металла, с платиновой рукоятью, украшенной корундами, с гравированным лезвием; в левой — знамя на длинном посеребрённом флагштоке, с в кровавого фона ткани дьявольски ухмылялся золотой злобный клоун, держащий гитару. Не оглядываясь, гордой поступью Джоли Линкс двинулся навстречу горизонту и своей судьбе. Несмотря на боль в ноге, он не хромал. Змейка его следов на песке становилась всё длиннее и длиннее. Вскоре его псевдокоролевский дворец превратился в крохотную точку, а потом и вовсе затерялся в песке. Джоли Линкс остановился на вершине высокого, обожжённого солнцем холма, посмотрел вокруг. Да... Он — единственное живое разумное существо в этом океане сиреневого песка, и всё здесь принадлежит ему. Он — Король, Король Сиреневых Барханов. А король должен защищать своё королевство, свой маленький мирок, а главное — его суть. Ему некого было вести за собой, у него не было армии, он был всем, и суть была в нём. Он стоял неподвижно, опершись на меч. Над головой развевалось знамя, казалось, что золотой клоун танцует ритуальный танец, какие танцуют туземцы, отправляясь на тропу войны. Он не знал, на чьей стороне были Вла-

дыки, да и ему было наплевать, он в них не верил. Всё равно ему суждено погибнуть, сразу или чуть-чуть погодя. Но, в любом случае, он спасёт свою идею, идею беспредельной свободы, свободы мысли. Никто не сможет поработить его, лишит его этой свободы. Ведь никто не имеет власти над мёртвыми. Только черви, но черви гуманней: они пожирают лишь плоть. А ему надо спасти свою душу...

*

Джоли Линкс не шевелился. Он стоял, как статуя, олицетворяющая какого-нибудь бога войны. Гордая осанка, полная решимости, твёрдый неприступный взгляд, золотые волосы волнами спускались по плечам. Что было в его глазах? Ничего. Они смотрели в сторону горизонта, откуда гнойной пеной ползло войско императора Хейдрека Гейрхильда. Всадники двигались медленно — лошадям трудно скакать по песку, — но быстротечность времени компенсировала их задержку. Войско было большим. Сотни людей против одного человека! Нет. Сотни зомби против Человека.

Джоли Линкс воткнул серебряное древко знамени в песок, принял боевую стойку, руки крепко сжимали эфес двуручного меча. Давно он не прикасался к этому железу, давно он не кормил его кровью. Меч не был волшебным, не имел имени, руны, украшавшие лезвие, ничего не значили — Джоли Линкс сам выцарапал их всего лишь для красоты, с древнего языка это переводилось как «Меч Короля». Он прошёл с этим мечом почти всю свою жизнь, восемьдесят лет он рубил, колол, резал им ни за что, защищая чужие мелочные интересы, посылая в ад ни в чём неповинных людей, так пусть теперь эта железяка послужит великому делу, идее, которой он посвятил остаток своей жизни, идее, способной спасти миллионы душ...

Дунул ветер, поднялись столбы песка. Конница приближалась. Одинаковые, с тупыми лицами, искажёнными гримасой злости, в цветных поидиотски доспехах, они скакали на одинаковых лошадях, размахивая мечами, топорами, копьями, разгоняя дикими криками ступки воздуха. Полированные щиты сверкали в слабом свете солнца, но всё равно казалось, что широкая лавовая река льётся по сиреневым барханам. Вот они уже рядом, у подножия холма. Началось...

Джоли Линкс усмехнулся. Он поднял руки, держащие меч, к небу и закричал. Его голос прорезал густой воздух, да и вообще пространство, как нож масло. Волны песка, гонимые лавиной ветра, скатились вниз по холму, заживо похоронив под собой первые ряды удивлённых всадников вместе с лошадьми и знамёнами. Остальные остановились в недоумении, кони их топтались на месте, нервно ржали, всадники тупо переглядывались друг с другом. А Джоли Линкс всё кричал, нет, не кричал — пел. Песня без слов. Она звучала отнюдь не противно, но красиво, просто он собрал все свои чувства, энергию, эмоции, все мысли — всё, что в нём было. И всё это слилось в песню, приобрело разрушительную силу. Эта сила нарастала с каждым тактом. Воинам в первых рядах становилось плохо, их тошнило, разрывало на куски, они затыкали уши, громко кричали, чтобы заглушить песню. Выставляли вперёд

блестящие щиты, но металл растрескивался, и звук всё равно достигал своей цели. Кони становились на дыбы, сбрасывали всадников, которые тут же погибали под их копытами, отступали назад. А сзади напирали вновь прибывшие — образовалась кровавая давка.

Джоли Линкс перестал петь и засмеялся с наслаждением — таким, будто испытывал мощный оргазм. Забрызганные кровью всадники стояли у подножия холма, с трудом сдерживая лошадей. На лицах их был написан ужас и какая-то пошлая тупость. Они не могли понять, что им делать.

Джоли Линкс прыгнул с холма в самую кучу недоумевавших солдат. Они не успевали опомниться, как оказывались на земле, головы летали, ещё живые, ругающиеся, как весёлые шарики, оставляя в воздухе кровавый след вместо серпантина. Джоли Линкс косил их, как траву, срезал их, как волосы, делая на их месте блестящие от крови плечи. При этом он не переставал смеяться. Вдруг он почувствовал, что масса вокруг него зашевелилась, его стало сжимать со всех сторон в кольцо. Всадники пришли в себя и принялись за дело. В глазах их по-прежнему горела искра ужаса, они двигались, направляя лошадей почти машинально, как будто не они отвечали за свои действия (а ведь так оно и было). В воздухе замелькали лезвия оружия, как зубы голодных псов, так и норовившие застрять в теле Джоли Линкса, испить его крови, копыта, старавшиеся проломить его череп. А он танцевал свой танец смерти в кровавых потоках, как танцовщица в длинной кружевной юбке. Меч описывал в воздухе странные окружности, работал, как мясорубка, перемалывая массу в фарш. А люди, кони всё лезли и лезли. Со всех сторон...

*

Одинокий всадник летел по направлению к месту битвы, разрывая сиреневые барханы, как стрела, пущенная из арбалета, копыта лошади оставляли глубокие рытвины в песке, шлейфом вились серые тучи пыли. Человек и лошадь устали, пот крупными каплями выступил на грязной коже, мышцы заметно подрагивали от напряжения, которое особенно хорошо читалось на лице всадника. Алые, нечеловеческого происхождения глаза без зрачков и радужки со злобой, полной решимости, устремились вперёд; руки крепко вцепились в поводья; шпоры на сапогах впивались в тело лошади, заставляя её двигаться быстрее. Но лошадь и так была на пределе, она вздрагивала при каждом уколе, глаза её неистово сверкали, изо рта валила пена. Она израсходовала последние силы и собиралась уже упасть на горячий песок, чтобы спокойно подохнуть. Но Вулфхарт Арнгейр не позволял ей. Только бы успеть прискакать раньше, чем имперская конница, увести Джоли Линкса отсюда, заставить его отказаться от своей бредовой идеи. Он собрался идти против всего полка, его же сразу убьют. Он только насмешит императора. Да и вообще Вулфхарт считал себя обязанным Джоли Линксу своей жизнью. Он считал его больше, чем просто человеком. И долг Вулфхарта — спасти его от позорной смерти.

Размышления Вулфхарта прервались ржанием лошади, похожим на стон. Она замедлила свой бег и, пару раз с усилием подпрыгнув вперёд, грохнулась на землю. Вулфхарта выбросило из седла и покатило вниз по бархану. Он распластался внизу на песке и потерял сознание...

Вулфхарт очнулся оттого, что чихнул: низко стелющийся ветерок задувал песок ему в ноздри. Тело вроде бы нигде не болело. Он посмотрел на небо, солнце, казалось, находилось в том же положении. Сколько же времени прошло? Он стал карабкаться вверх по холму. Там неподвижно валялась дохлая лошадь, мухи над ней уже затеяли свой хоровод. «Чёрт! Дрянное животное!» — вырвалось из уст Вулфхарта. Неужели он не успеет. Может, битва уже началась. Вулфхарт побежал. Побежал, ориентируясь в этом монотонном океане песка исключительно интуитивно, следы Джоли Линкса давно стёрлись ветром, словно природа сама залатала свои раны. Вскоре ветер донёс до его Вулфхарта отдалённые звуки битвы, в ноздри ударил тягучий запах крови. Опоздал. Но почему там разразилось целое сражение? Кто выступил на стороне Джоли Линкса? Разве возможно, чтобы один человек сдерживал наступление целой армии? Рука машинально вынимала меч из ножен, ноги сами ускоряли шаг. И вот пред Вулфхартом развернулась огромное полотно битвы. Это напоминало водоворот: цветастая масса закручивалась около одного центра и всасывалась вовнутрь, как будто её поглощала какая-то чёрная дыра. Вулфхарт узнал эту массу — войско Империи. Ему не раз приходилось с ними сражаться. Однотипные, выкрашенные в разные цвета доспехи, тупые лица, пустые глаза, дрессированные кони. А в центре что? Или кто? Джоли Линкс?

Точно! А вон на холме его знамя, гордое в своём одиночестве. А где же имперские знаменосцы? Убиты?

Вулфхарт остановился, что-то сказало ему не вмешиваться. Остаётся только наблюдать и стараться поверить в то, что кажется невозможным. Вулфхарта не очень устраивала роль простого наблюдателя. От бездействия голову атакывали мысли. Мысли — то, чего Вулфхарт больше всего боялся и от чего старался скрыться. Он думал о Джоли Линксе. Его дружок что-то не договорил или не хотел сказать. Кто он на самом деле? Ведь то, что он творит сейчас, противоречит нормальному восприятию мира. А может...

Музыка битвы завораживала и постепенно изгнала все мысли из головы Вулфхарта.

*

Небо стало совсем серым, долгожданные тучи сожрали солнце, которое вовсе и не сопротивлялось, грянул ливень. Сделалась слякоть. Сражаться стало труднее, ноги скользили в грязи, меч, и так скользкий от крови, так и хотел выпрыгнуть из рук. Для всадников императора дождь тоже оказался злой шуткой. Лошади падали, сбрасывая солдат, те барахтались в грязи, как свиньи, орали и тут же теряли головы, которые падали в грязные лужи, порождая сотни кровавых брызг. Джоли Линкс взял тяжёлый меч в одну руку, другой рукой он держал имперский щит, весь в буграх и вмятинах и красный от кро-

ви. Он продолжал отражать удары мечей, топоров и копыт. Доспехи были пробиты в нескольких местах, но на теле Джоли Линкса не было ни царапины. Он чувствовал только, как болят его руки, ноги от усталости, но внезапно возникшая вера в собственное бессмертие давало ему силы. Трупы людей и коней складывались пачками. Всадники ударились в панику. Они, тысяча конных людей, не могут убить одного пешего человека! Может, он действительно бог? Они разворачивали лошадей, бросались в бегство, но Джоли Линкс преследовал их и убивал. Он не видел ничего, лицо его было залито кровью, которая капала на глаза. Он ориентировался в пространстве не по запаху и не на слух, все запахи и звуки смешались в одно, в воздухе витала смерть. Что-то неведомое ему самому вело его.

Наконец, он почувствовал, что его меч вхолостую разрезает воздух. Кругом установилась тишина. Он слышал только свой слабый прерывающийся смех и стук капель дождя о металл. Джоли Линкс остановился, протирая глаза от крови. Зрение восстановилось, он посмотрел вокруг. Земля была покрыта почти однородной кровавой массой, в которой торчали сломанные клинки и искорёженные железяки — то, что осталось от доспехов солдат империи, толстые зады убитых коней с выпитанными хвостами. Остальные имперские лошади, оставшиеся без всадников, с опущенными к земле понурыми головами, тихо, стараясь не греметь сбруёй, бродили по полю, аккуратно переступая через трупы. Грязные потоки воды смешивались с кровью и бежали прочь из этого ада, как крысы с тонущего корабля, как будто предчувствуя какую-то опасность. Дождь ещё продолжал лить, но небо стало светлым, выглянуло солнце, такое же дохлое, но с ещё большей уверенностью. Похоже, ночь сегодня не наступит...

Тяжело дыша, Джоли Линкс стоял один на горе из сотен трупов. Он был весь в чужой крови, меч его затупился, бархатный плащ был полностью изорван, с волос, выбивавшихся из-под шлема, капала грязная вода, на лице изобразилась дикая усталость. Но глаза его неистово горели адским огнём. «Я — бессмертный!» — подумал Джоли Линкс. Улыбка расплзлась по его лицу. Улыбка самодовольной радости. Он протянул руки к небу. «Я — бессмертный!!!» Вот-вот взлетит.

Но тут уставшие ноги отказались его держать, он повалился на колени, меч выпал из оцепеневших рук, воткнулся в кровавую гущу, мятая железная пластина щита покатила по скользкой крови, как детские ледянки. Джоли Линкс взглянул на холм, на котором на длинном посеребрённом флагштоке развевалось знамя, гордо и непобедимо, неподвластное дождю и ветру. Всадники не вошли на холм, не добрались до него. А где же их знамёна, имперских всадников? Изорваны, втоптаны в грязь и кровь... Шитый золотом клоун танцевал свой победный танец. «Я — бессмертный!» Джоли Линкс смотрел на свой стяг, не отрывая глаз, его завораживали странные движения клоуна, они гипнотизировали его уставшее сознание, он погружался в полусон. «Я — бессмертный!!!» — звучало всюду, как победный марш.

Вдруг Джоли Линкс почувствовал, как что-то холодное, скользкое лезет ему сзади под кирасу, но он даже не шевельнулся. Что-то острое, словно змея, ужалило его, проткнуло его плоть и заползло вовнутрь, пытаясь добраться

до сердца, но, видимо, этой змейке не хватило сил осуществить свой коварный план, она застряла на полпути и так осталась неподвижной. Острая боль прошла по телу Джоли Линкса, но он находился в полутрансе, и поэтому не среагировал на неё. Он отрёшённо повернул голову назад: из его спины выходил длинный тонкий клинок, по которому текли, как жидкие корунды, тёмные капли крови. Рука, держащая этот клинок, уже умерла, но выглядела весьма довольно, с сознанием выполненного долга. Взгляд Джоли Линкса затуманился, в ушах загудело, в мозгу поплыли красные расплывчатые пятна и колючие цветные точки. Как? Ведь он почти поверил в своё бессмертие! В бессмертие своей идеи, олицетворением которой он являлся. Он ещё раз взглянул на знамя, гордо впивался в небо флапшток, по-прежнему улыбался клоун. Нет, он бессмертен. Он не сдался, стоял до конца и почти победил. Пусть убито его тело, но душа вечна. Она не достанется императору. Скоро она предстанет пред судом Владык, ему будет что сказать, жизнь он прожил не напрасно и умер за правое дело...

Тело Джоли Линкса скатилось по слякоти в общую кучу трупов. Дождь барабанил по его доспехам, тяжёлые капли стекали по его лицу, как слёзы, в кровавые лужи, поднимая фонтаны грязных брызг...

*

...Катится яблочко по блюдечку, да по серебряному, катится, да во сыру землю — шмяк!...

*

Глаза с трудом открылись, в голову ударила боль. Расплывчатые пятна постепенно приняли более чёткие очертания. Джоли Линкс узнал лицо Вулфхарта, оно склонилось над ним, печальное, измученное, скорбящее.

— Джоли Линкс... Джоли... — тихо шептало оно.

Джоли Линкс попытался улыбнуться, но затёкшие губы с трудом поддавались ему.

— Вулфхарт, — проговорил он. — Я умер...

— Нет, не умер. Ты ранен, — засуетился Вулфхарт.

— Нет, я умер... — он попытался приподняться. — Знаешь, я верил в то, что я бессмертен... А теперь я почти труп... Скоро я окажусь на пиру у червей в качестве главной закуски... Ха... Хотя я почти победил... Я сомневался, стоит ли жертвовать всем ради какой-то ничтожной мечты... Нужна ли она кому-то? Мне кажется, я — эгоист, я думал лишь о своей заднице, защищал лишь свои интересы...

— Ты говорил, любая мечта, если она есть, если она не несёт в себе зло, если она направлена против зла, заслуживает того, чтобы ради неё совершались жертвы.

— Почему ты думаешь, что она несёт добро? На кой чёрт тебе это добро? Ты что, добрый?

— Ты стремился к бесконечной свободе мысли. Разве свобода не высшее благо? Разве ты не свободен?

— По крайней мере, я умру спокойно, с чувством выполненного долга. Именно наличие какой-нибудь идеи, даже самой ничтожной, отличает человека от животных — я умру, как человек. Ха... Глупые мысли... Совсем не в тему... А ты здесь зачем? Интересно смотреть, как я буду биться в предсмертных конвульсиях, а потом сдохну. Хотя я знал, что ты придёшь... Хочешь, чтобы я тут всё сказал? Хочешь всё у меня выпытать? Да? Помоги мне сесть.

Вулфхарт осторожно помог ему приподняться, лицо Джоли Линкса скривилось от боли. Глаза его уставились куда-то в небо. Солнце всё-таки уступило тьме, постепенно становилось темно. Глаза Вулфхарта стали зелёные, светились, как у кошки. Глаза Джоли Линкса сверкали ярче. Опираясь о Вулфхарта, он вытянул руку вперёд и начал водить пальцем по воздуху, как будто писал им. По руке потекла кровь, она стекала по пальцу, тут же застыла в воздухе символами, которые пытался изобразить Джоли Линкс. Воздух поддавался ему.

— Что это значит? — спросил удивлённый Вулфхарт.

— Ничего. Я рисую...

— Ты обещал что-то сказать.

— Да... Ничего особенного, Вулфхарт-Джоли Линкс. — Джоли Линкс заулыбался. — Звучит банально... Чересчур даже... Я тебя спас-то от птичек тогда... Я сказал, что ты мне кого-то напоминаешь... Ты — это я! Как бы это странно ни звучало. Ты — это я, но как будто другой... не из этого мира... Как будто ты сюда случайно попал... Бред собачий! Сам не верю в то, что говорю! Ну да ладно. И ещё... Я назначаю тебя своим преемником. Ты теперь король! Король Сиреневых Песков. Та-тара-тара-тара-тара-тара-тара-та-та-та... Музыка к случаю.

Джоли Линкс, преодолевая боль, давился от смеха. Вулфхарту было не смешно.

— Ладно, — Джоли Линкс снова стал серьёзным. — Что ещё тебе сказать. Это ещё более банально — нет сил придумать что-нибудь пооригинальней. Я верю в тебя. Хочешь, можешь следовать моей идее, хочешь, найди свою. Если тебе безразлична эта война, уйди от неё. А вообще — меньше думай, доверяй сердцу, именно оно подскажет тебе правильный путь. У тебя северное имя, так называли древних героев давным-давно, ты должен быть таким же мужественным и стойким, как они. Хотя ты и так столько всего пережил... Защищай любовь и свободу... И не считай меня сверхчеловеком, просто я не знаю, как это получилось... Может, я верил... Иди... Не забывай кормить Асту-кошку.

Тело Джоли Линкса обмякло, он медленно повалился на землю. Кровяные символы в воздухе растаяли...

Чёрный дым вился в небо, въедаясь в темноту, жарил луну. Блики пламени танцевали на железных стенах псевдодворца, состоящего из одной единственной башни-донжона, на низко висящих облаках, на лицах Вулфхарта и Нанны. Они молча стояли, прижавшись друг к другу. На глазах Нанны застыли слёзы. Выражение лица Вулфхарта оставалось бесстрастным, даже холодным, но отнюдь не решительным. В голове его шла война. Война между противоречивыми мыслями, война между чувством и логикой, война разума и страсти. Война против безумия...

Тело Джоли Линкса, накрытое знаменем с вышитым на нём золотыми нитями клоуном, покоилось на большом листе железа, лежащем на чём-то вроде пьедестала, сложенного из массивных камней, как будто на алтаре для жертвоприношений. Весело потрескивая, танцевали над телом вертлявые языки пламени. И потрескивание их напоминало смех, жестокий, сардонический смех. Как будто сука-судьба сыграла злую шутку: сначала закинула золотую нить висящему над обрывом, чтобы тот мог удержаться, а потом обрезала её у основания... (Какие счастливые глаза, полные надежды! А потом — разочарование, ужас и дикий вопль летящего в пропасть... А в пропасти — преисподняя! Ха!) Огонь пожирал плоть, изрыгая чёрный пепел, который тут же уносил ветер, распыляя его над обширными владениями Короля Сиреневых Песков. Пусть вся эта земля пропитается духом Джоли Линкса. Но король умер... Да здравствует король?

Вулфхарт стоял неподвижно, обнимая холодными руками дрожащую от рыданий Нанну. Зачем она так? Разве она знала этого человека? Почему она плачет, словно потеряла близкого, а вместе с ним что-то важное, ценное, дорогое её сердцу? Или смерть в любых своих проявлениях заставляет её страдать? А может, горячо любя Вулфхарта, она плакала о нём, как будто чувствуя некую связь между ним и Джоли Линксом, между Джоли Линксом и судьбой Вулфхарта, между судьбой Вулфхарта и своей судьбой. Она обладала слишком чистой душой, поэтому не могла скрывать свои чувства. Она плакала, уткнувшись Вулфхарту в плечо, горячие слёзы капали ему на руку, но тепло, которое они в себе несли, не могло добраться до его сердца. Ему, конечно, было больно, и он не мог преодолеть эту боль, поэтому запер её внутри себя, закрыл к ней все проходы тяжёлыми железными замками, имя которым — здравый рассудок.

Ветер унёс последние остатки пепла, остался только обгоревший лист железа и кусочек полотна флага, как раз тот, с золотым клоуном, он не сторел в огне. Вулфхарт оставил Нанну, поднялся по металлической лестнице, вошёл в теперь уже свою цитадель. Здесь ничего не изменилось с тех пор, как он покинул её несколько лет назад, разве что несколько картин. Он зашёл в комнату, служившую своего рода складом пищевых продуктов и кухней, отыскал несколько бутылок крепкого красного вина. Вино — лучшее лекарство от непонятных навязчивых мыслей, чувства неведения и душевной пустоты. Он опустошал бутылки одну за другой, пытаясь заполнить эту пустоту, залить свой мозг, чтобы тот перестал думать. Он пил до тех пор, пока ноги

его не перестали держать, и он не грохнулся на грязный металлический пол и не заснул там же. Он добился своего — ни сны, ни навязчивые мысли во сне ему не навевались. Так продолжалось несколько дней, а может — недель: днём он бесцельно бродил по окрестностям, вечером возвращался и напивался снова и снова...

Однажды утром он проснулся от какого-то ритмичного стука: Нанна готовила завтрак, шинковала ножом овощи. Лицо её выглядело измученным, но она всё-таки попыталась улыбнуться, видя, что Вулфхарт проснулся. Он выбрался из-под шерстяного плаща (Нанна заботливо накрыла им Вулфхарта, чтобы тот не замёрз; она была не в силах перетащить его в более подходящее для сна место). Вулфхарт подошёл к девушке, поцеловал её. От неё тоже слегка пахло алкоголем, она тоже пила, пытаясь запить вином свои страдания, чтобы они не были такими горькими на вкус.

— Доброе утро, любимая, — ласково прошептал Вулфхарт.

Она ничего не ответила, глаза её стали влажными.

— Ты готовишь завтрак? Что это? Мясо с овощами? Замечательно! — Вулфхарт продолжал мурлыкать, глядя её волосы. — Ты такая красивая сегодня...

Нанна продолжала упорно молчать, сдерживая слёзы. Она понимала, что эта внезапная нежность наиграна, как бы Вулфхарт ни старался. Ему, конечно, не до этого, и он не хотел сделать Нанне больно, не хотел, чтобы и она испытывала это непонятное чувство вины неизвестно за что. Вулфхарт понял, что сделает ещё хуже, если не прекратит свои домогательства. Он уселся за стол, подперев голову руками. После вчерашней попойки она казалась такой тяжёлой, а перед глазами ещё плыли какие-то мутные тени. Нанна молча поставила перед ним тарелку с едой. Он принялся её пристально разглядывать, только для того, чтобы глаза не разбежались в стороны. Пришла длинноногая кошка Аста, она была голодная и громко мяукала, вытягивая шею. Нина поставила маленькое блюдечко на пол, кошка с жадностью стала поглощать его содержимое. Девушка посмотрела на своего возлюбленного.

— Ешь, а то остынет и будет невкусным, — Нанна придвинула тарелку ближе к нему, затем налила в бокалы вина и села напротив Вулфхарта, принялась за еду.

— Нина, — тихо пробормотал он, — Нанна, я не знаю, что мне дальше делать. Я не знаю, как мне жить. У меня нет никакой цели. Всё кажется таким запутанным, сложным. Я совсем запутался. Ты знаешь, что я терял память? Меня за что-то убивали, — он показал Нанне шрамы на запястьях. — Если бы я мог только вспомнить... Может, тогда я бы узнал... Как мне жить дальше. Нанна, что бы ты делала на моём месте?

— Я? — голос девушки прозвучал как бы издалека. — Я люблю тебя... У меня нет ничего, кроме твоей любви. Я живу хотя бы только для того, чтобы любить. И я счастлива, как бы плохо мне ни было, что бы ни происходило вокруг. Я счастлива встречать каждый новый день, только потому, что ты рядом. Я пойду за тобой хоть на край света. Мне ничего не надо.

— Нанна! — Вулфхарт поднял голову, нечеловеческие глаза его сверкали искрами радости. — А ведь ты права! Действительно, я долго сомневался! Зачем мне всё это, все эти глобальные идеи? Зачем мне они, когда у меня есть ты! Давай останемся здесь, вдали от этих войн, от всех проблем! И будем счастливы, любя друг друга! Нас здесь никто не найдёт, никто не разрушит нашего счастья! Когда-нибудь война закончится, и всё будет хорошо!

Нанна встала и обняла его, она уже не сдерживала слёз — это были слёзы радости. Позавтракав, они оседлали коней, которые раньше принадлежали императорским всадникам — теперь уже съеденным стервятниками и засыпанным песком, — и погрузились в сиреневый простор. Они скакали, обгоняя друг друга, подставив лица горячему ветру, смеялись и пели. Время перевалило за полдень, пора зноя прошла. Ветер стал холодным. Вулфхарт и Нанна шли, держась за руки, кони семенили позади. Нанна улыбалась, лицо Вулфхарта оставалось спокойным, даже немного грустным.

— Что-то не так? — спросила девушка.

— Да нет, всё хорошо, — он улыбнулся, но улыбка показалась Нанне натянутой.

— Почему ты грустишь?

— Я думаю, насколько сильно мы друг друга любим.

— Сильнее всех, — она обняла его плечо. — Разве это тебя печалит?

— Нет. Но ведь ты наверняка то же самое говорила Альдису.

— Я ошиблась. Это больше напоминало игру в любовь, чем любовь.

— Ты жалеешь, что он мёртв?

— Нет.

— Ты будешь искать меня, если я убегу?

— Выгони из головы своей эти мысли. Этого просто не может быть. Я лучше убью тебя прямо сейчас, а затем убью себя. Мы будем вечно вместе.

— Вот ты какая, тигрица! — сказал он, смеясь.

— Я перекусила тебе хребет?

— Ты его раздробила на мелкие-мелкие части.

— А ты меня успел покусать.

— Ты же сказала, у меня нет зубов.

— У тебя красивые зубы.

— А ты вообще красавица! — он поцеловал её.

Они остановились, вглядываясь друг другу в глаза. Оба чувствовали себя счастливыми.

— Я люблю тебя, тигрица.

— Я люблю тебя, волк.

Они обнялись и, не устояв под напором поцелуев, повалились на сиреневый песок. Время и пространство перестали для них существовать, как и всё остальное. Небо потемнело, постепенно приплыла ночь на тёмно-синих облаках. Кони требовательно ржали, стоя в стороне. Требовали пищи. А Вулфхарт и Нанна всё не могли насытиться друг другом.

Под утро они вернулись домой. А ночью опять сбежали. Жизнь шла легко, и, казалось, счастью не будет конца. Вулфхарт занялся любимыми делами: рисовал картины, писал стихи, пел песни. Нанна помогала ему, вдохновляла на новые подвиги в искусстве. Она была его музой. Его любимой музой. И они любили друг друга, как только хотели, не боясь, что их кто-то увидит и осудит. В пустыне, кроме них, не было других людей. И Вулфхарт был полноправный хозяин этой территории. Единственное живое воспоминание о Джоли Линксе — чёрная кошка Аста — кушала, как лев, поэтому страшно растолстела и стала похожа на волосатый шарик на длинных тонких ногах. Вулфхарт и Нанна выполняли последнюю волю Джоли Линкса на совесть.

Вулфхарт, казалось, понял, для чего он живёт. Но дни шли, и однажды он почувствовал в себе ту душевную пустоту, которая долго не давала ему покоя. Он забросил искусство, ласки Нанны опротивели ему, казались пошлыми. Огромная пустыня превратилась в зажатую другими государствами песочницу. Аста больше не смешила его, эта гротескная ходячая пародия на всю сущность Вселенной. Опять стали сниться кошмарные сны. Вулфхарт снова запил, но вино на этот раз не смогло разлиться широкой рекой, преграждающей дорогу кошмарам. Кошмары перешагивали через эту реку, как через ручеёк. Ему снились чудовища, огромные чудовища, пожирающие планеты; снились люди, якобы сумасшедшие, которым доктора сверлили мозги, пытаясь найти источник безумия; развратные сучки, чья кожа была усеяна шипами, ели человеческую плоть из золотых тарелок; снились стальные прутья клеток и колючая проволока, казни, убийства и изуродованные тела жертв войны; снились эпизоды из детства. Вулфхарт кричал, вскакивая с постели в холодном поту. Нанна пыталась его успокоить, он засыпал снова, а она плакала, уткнувшись лицом в подушку. Днём какие-то сны забывались напрочь, какие-то накрепко вгрызались в память. Вот те, которые наиболее ярко запомнились ему:

Чёрные облака плывут по красному небу. Город из разрушенных каменных зданий, из которых торчат толстые палки железной проволоки, окутан красным туманом. По мощёной дороге толпа лысых потных людей катит огромный металлический шар. Какие-то чудовища в чёрных доспехах подвоят к катящим всё новых и новых людей. Чудовища бьют их кнутами, заставляя двигаться быстрее, те люди стонут, истекают потом и кровью, но продолжают толкать. Вулфхарт стоит на балконе одного из самых высоких зданий и смотрит вниз на происходящее действие. Ему, в принципе, всё равно, что там происходит, он просто смотрит. Внезапно двое чудовищ врываются на балкон.

— Ты арестован, — говорит одно из них громовым голосом.

— В чём проблема? — Вулфхарт оборачивается к ним с фальшивой улыбкой на устах, не веря в серьёзность ситуации.

— В тебе! — отвечает чудовище. — Пройдёшь за нами.

Вулфхарт вытаскивает меч из ножен, пытается сопротивляться, ранит одного монстра. Но второй выбивает меч из рук Вулфхарта. Со звоном клинок ударяется о мощёную площадь внизу. Вулфхарт отвлекается, смотрит на падающий меч, но получает чем-то тяжёлым по голове и отключается. Он приходит в себя от сильного удара кнутом, со спины стекает кровь. Он осознаёт, что лежит на той самой мощёной дороге абсолютно голый, все волосы сбриты. Вокруг него стоят чудовища в чёрной броне, по которой гуляют красные блики. Одно из них что-то ему кричит. Вулфхарт получает ещё один удар кнутом. Он с трудом встаёт на ноги. Его ведут к тем, кто медленно, но верно катит шар. Они оборачиваются в сторону Вулфхарта, пытаются разглядеть его. Но, кажется, они слепы — они ничего не видят. Чудовища останавливают Вулфхарта. Рука в чёрной латной перчатке тянется к его лицу, касается его нечеловеческих глаз и выцарапывает их. Вулфхарт погружается во тьму. Ощущение почти знакомо, но кажется совсем иным. Он чувствует, как его подводят к шару, как его руки касаются скользкого нагретого металла. Он чувствует, как напрягаются все его мышцы, как движутся его ноги. Чувствует трение вонючих потных тел, удары кнутов. Дорога идёт в гору. Ещё. Ещё. Нет. А-а-а! Ещё. Всё!!! Шар начинает медленно прокручиваться в обратную сторону. И вот уже всюду летит вниз, подминая под собой кричащих людей. Вулфхарт отскакивает, бежит в сторону, ориентируясь на осязание и на слух. Он слышит — за ним погоня. Внезапно погоня прекращается, чудовища с жалобными криками убегают прочь. Вулфхарт останавливается отдышаться. Ноги начинают разъезжаться в стороны, под ним на дороге образовывается трещина, которая всё увеличивается. И вот Вулфхарт уже летит куда-то вниз, объятый подземным холодом. Сознание по каплям вытекает из его мозга, но не уходит совсем. Оно остаётся как бы рядом, в стороне. Но на мгновение. Улетает вниз с ещё большей скоростью, чем Вулфхарт. Пробуждение...

Замок Арнгейр. С высокой башни виден город — красивая богатая столица, славившаяся своими архитектурными шедеврами, — торговый центр всего Севера. Видны башни ещё шести замков, в том числе и Гейрхильда — королевской резиденции. Город и замки окружены лесами и озёрами невиданной красоты. В небе, нежно-голубом, безоблачном, играют птицы. Госпожа Арнгейр — красивая светловолосая женщина с глазами цвета морской волны — сидит в роскошном кресле на башенной площадке. Её золотые волосы обдувает ветер, руки заняты вышиванием. Рядом, прямо на каменном полу, сидят три девушки-служанки и подают ей нити, иглы или шёлк по мере необходимости. Госпожа Арнгейр беседует с сэром Кэдмоном Блиссом, сидящим рядом на табуретке. Кэдмон Блисс, человек с волосами цвета пепла и таким же серым лицом, — странствующий рыцарь, гость герцога Арнгейра. Вулфхарт, темноволосый мальчик пяти лет, поразительно похожий на своего отца, с любопытством разглядывает гостя. Он надумал страшную вещь: пробраться в комнату, которую отец выделил Блиссу, чтобы посмотреть и потрогать его вооружение, это представляло ребёнку интерес. Вулфхарт переводит взгляд на мать. Но та не замечает. Он подходит и дёргает за полы её голубого шёлкового платья.

— Госпожа. Здесь Вулфик, — говорит одна из служанок.

— Что тебе, сынок? — спрашивает госпожа Арнгейр.

— Мам! — Вулфик указывает пальчиком на тёмный проход в конической постройке посреди площадки, ведущий вовнутрь башни.

— Проводи его, Ани. Что он хочет? Спать, кушать? Накорми, — призывает мать одной из девушек.

— Нет, мама! Не надо Ани! Я хочу сам, — кричит Вулфик.

— Ну, иди, — госпожа Арнгейр миловидно улыбается. Так же улыбается и Кэдмон Блисс.

Вулфхарт, сделав важную рожицу от нахлынувшей самостоятельности, скрывается в темноте прохода. Он спускается по винтовой лестнице вниз, в широкий коридор. Стены коридора украшены щитами с гербом рода Арнгейр, это гласный герб: на нём изображён орёл («Арн» — орёл), несущий в лапах серебряное копьё («Гейр» — копьё). Вулфхарт идёт по коридору, коридор пуст — отец со слугами уехал на охоту. Вулфхарт подходит к одной из дверей и осторожно открывает её. В комнате царит полумрак, окна завешаны портьерами. У стены стоит большая кровать под балдахином, на покрывале валяются кольчуга и шлем с тёмным бриллиантом прямо посреди лба. На стене висит простой боевой щит без всяких гербов на нём. На столе лежат какие-то бумаги, расписанные странными знаками, над бумагами возвышается бутылка с остатками вина. Вулфхарт внимательно разглядывает всё. Вдруг взгляд его падает на огромное зеркало, стоящее между столом и кроватью. Зеркало было тёмным, поэтому Вулфхарт его не заметил, когда входил в комнату. Он смотрит на своё отражение: удивлённый мальчик с раскрытым ртом и блестящими карими глазками. Корчит рожу. Отражение тоже корчит рожу, но с задержкой. Вулфхарту показалось, что у отражения как-то странно блеснули глаза. Он касается пальчиками поверхности зеркала, она оказывается тёплой и какой-то вязкой, отражение исчезает. Вулфхарт отводит руку и долго смотрит на зеркало, почти не дыша. Наконец, он решается повторить это действие. Он кладёт ладонь на зеркальную поверхность — она засасывается внутрь зеркала, но ощущения приятны. Вулфхарт приставляет вторую руку, она тоже засасывается. Тогда он наваливается всем телом на зеркало. Он будто погружается в тёплое желе или в очень солёную воду. Его захватывает это чувство, очень приятно и легко. Он проходит сквозь зеркало, и ощущения пропадают. Вулфхарт открывает глаза. Он стоит в той же самой комнате, перед тем же самым зеркалом, на него смотрит его отражение. Оно повторяет в точности все движения, как и подобает приличному отражению. Неужели показалось? Вулфхарт испугано озирается по сторонам. Он находится в той же комнате, но в ней нет вещей Кэдмона Блисса. Он с плачем убегает к матери. Госпожа Арнгейр по-прежнему сидит в своём кресле на башенной площадке, по-прежнему занята вышиванием. Вокруг неё три девушки-служанки помогают ей в работе. Но странствующий рыцарь с пепельно-серыми волосами отсутствует. Ребёнок кидается к матери, плачет, уткнувшись в её платье.

— Что случилось? — спрашивает она. Девушки суетятся, успокаивают герцогского сына.

— Мама! Там зеркало! — он указывает на тёмный проход.

— Испугался зеркала, маленький, — сюсюкается Ани.

— Где дядя? — он отбивается от рук служанки.

— Какой дядя? — удивляется мать.

— Который был здесь, — говорит он, всхлипывая.

— Здесь не было мужчин.

— Я видел, как ты с ним разговаривала. У него в комнате зеркало. Пойдём, покажу, — он берёт её за руку и тянет к себе.

Госпожа Арнгейр позволила сыну себя увести. Девушки последовали за ними. Они спустились по лестнице, прошли по тёмному коридору, зашли в комнату. Но зеркала в комнате не оказалось, здесь находилась только их собственная мебель.

— Здесь нет зеркала, — сказала госпожа Арнгейр, ласково погладив сына по головке.

— Но было!

— Тебе показалось, сынок. Пойдём наверх, погреемся на солнышке, пока оно ещё согревает нас своим теплом. Скоро осень, и снова станет холодно.

Она взяла маленького сына на руки, и все пошли наверх, на башенную площадку.

Вечером вернулся герцог Арнгейр со слугами. Охота прошла удачно. Свежепойманную дичь отправили на кухню. Госпожа Арнгейр рассказала мужу о сыне. Герцог улыбнулся, показав красивые ровные зубы.

— Не надо рассказывать ему на ночь страшные сказки! Маленькие дети впечатлительны, — сказал он и, тряхнув длинными тёмными волосами, вышел из комнаты.

— Я не рассказывала ребёнку сказок! — крикнула ему вслед жена.

На этом и закончилось. Вскоре этот случай забыли. Лишь маленький Вулфик боялся ходить по тёмным коридорам. Однажды он всё-таки заглянул в ту комнату: загадочное зеркало зловеще заблестело, приветствуя его. Он хлопнул дверь, долго стоял, прижавшись к ней, преодолевая страх. Наконец он снова заглянул туда — зеркало исчезло. На этот раз Вулфхарт никому не рассказал об увиденном, маленький ребёнок думал, что сошёл с ума, ведь отец как-то говорил, что сумасшедшим приходят всякие видения. Он боялся, что его отправят в сумасшедший дом, впечатлительный мальчик боялся пыток, которые производят там над больными, отец ему живо это расписал. Вскоре образы затуманились временем, оставив лишь смутные силуэты. Вулфхарт повзрослел и счёл это лишь игрой детского воображения, другие объяснения казались ему невероятными...

To be continue...

* * *

Грязные волосы липнут к лицу,
Грязные мысли вгрызаются в душу;
Ночь всё течёт, приближаясь к концу;
Тики часов надоело уж слушать;

Снова валяюсь на мягкой постели —
Спать не могу, но проснуться не в силах;
Тёмные сны мне уже надоели,
Но умирать ты меня не просила.

* * *

Да, это было дерьмово!..
Холодный дождь бился в окно.
Сидела она бестолково,
Мрачно её было лицо.

Она своей лапой когтистой
Хотела мне вырвать глаза.
А небо уж в тучах — нечисто —
Вот-вот и начнётся гроза.

Она говорила долго
О психушке и о войне,
Как будто железной иглой
Сердце проткнула мне.

Я стонал и орал, защищаясь.
Я сдался, не хватило мне сил.
Сидела она, улыбаясь —
Заткнуться её я просил.

Ведь я не могу жить иначе.
Пускай же я буду последним дерьмом!
Я сдохну — она пусть поплачет.
Я не был рождён рабом!

Дерьмо

Пошли к чёрту, немые стены
И кошмары стальных ночей!
Хватит играть эти глупые сцены!
Я свободен и нужен ей!

Другу

Снова сдох твой телефон,
И тебя опять нет дома.
Давит скука через сон —
Это чувство так знакомо:

Раздаётся мрачный смех —
Для кого-то наслажденье;
Мёрзлый ветер без помех
Убивает вдохновенье.

Я опять пишу дерьмо —
Дохлах строчек мрачный гений;
Мне как будто всё равно,
Жизнь течёт без изменений.

Только ты здесь ни при чём,
Бесполезны разговоры.
Вряд ли дружбу мы спасём
Сквозь железные заборы.

* * *

Если хочешь, расскажи мне, какой свет
Пробивается сквозь тени, мира нет.

Для чего, усталый путник, ты идёшь?
Всё равно ты смысла жизни не найдёшь.

В этом мире уничтожена любовь,
И страдать тебе придётся вновь и вновь.

Нет здесь больше места для людей.
Если я тебе мешаю, то убей,

Если сможешь, а пока иди вперёд.
Ты решил, тебя там кто-то ждёт?

А на самом деле мира нет,
На дороге спит печальный след.

* * *

За двенадцать ходит полночь —
В окнах сумрачные тени,
В лужах пробудились волны —
Это сути не изменит;

Спать пора, сложили крылья
Птицы бури одинокой.
Вдруг была легенда былью?
Но она была жестокой...

Не смотри прощальным взглядом
На могильные просторы,
Не травись тем пошлым ядом
И не слушай разговоры,

Не пиши ты кровью руны
На матраце из психушки —
Они немые, эти струны,
Что торчат из раскладушки.

ЗЛЫЕ КЛОУНЫ

1

Вился дым, жаря тень,
И горела луна,
Задыхаясь в агониях боли.
Цирк сгорел, в этот день
Началась Война,
Треснул Ад, и мы снова на воле.

Надоело смешить
Этот проклятый мир,
А потом издыхать среди ночи.
Так вам больше не жить,
Начинаем свой пир —
Всё, детишки, ваш праздник окончен.

Клоуны злые уже не смешат,
Нервы стальные от боли горят,
Плачет Земля, мы так жить не смогли:
Это мы цирк сожгли! Yeah!!!

Что, уже не смешно?
Подавились слюной?
Что, пускать пузыри так прикольно?
Это вам не кино —
Мы стоим за спиной:
Обещаем, вам будет не больно.

Нас когда-то в дерьме
Хоронили живьём
И плясали на наших могилах.
Мы горели в огне,
А теперь мы поём,
И сказать ничего вы не в силах!

Клоуны злые уже не смешат,
Нервы стальные от боли горят,
Плачет Земля, мы так жить не смогли:
Это мы цирк сожгли! Yeah!!!

Наши нежные мечты дохлым рассветом сожжены —
Я бы снова рад вернуться в металлические сны.

Клоуны злые уже не смешат...
Ye-e-eah!!!!

Горячая вода —
Холодная, как смерть,
А лезвие ножа
Уж начинает петь;

Ручьями льётся кровь
На мокрое стекло;
Но я воскресну вновь,
Воскресну всем назло;

Надену свой колпак —
Играют бубенцы;
Я больше не дурак,
Но вы ещё глупцы.

Хотели представленья
И шли в разноцветный шатёр?!
Я думал преступленье —
Устроить великий костёр!

Горел рассвет
От дыма гнилых ваших тел;
Вот цирка нет,
Вот сделал я то, что давно хотел;

Свободы цена
Не стоит, увы, стольких жертв;
Дороже она...
А может, её даже нет?

Горячая вода —
Холодная, как смерть;
А лезвие ножа
Заменено на плеть;

Но ночью убегу,
Пока Всевышний спит;
Я больше не могу,
А кровь из ран бежит.

* * *

Музыка лезет сквозь стены,
Музыка режет виски;
Лучше вспороть себе вены
Иль умереть от тоски?

Проще ль над солнцем смеяться
Или рыдать при луне?
Хватит уже извращаться —
Лучше забудь обо мне;

Лучше споём нашу песню,
Смятую в сотни дождей.
Помнишь, как было чудесно?
Но всё погибло уже.

Музыка лезет сквозь стены —
Ей абсолютно плевать:
Кто же придёт нам на смену,
Чтобы на тучах играть?

* * *

Муха села на ковёр —
Потирает лапки;
Я на праздничный костёр
Посмотрел украдкой,

Отвернулся и запел —
Небо всё цветами!
Что-то я сказать хотел? —
Сочиняйте сами!

* * *

Мышка японская бьётся в стекло,
Выспалась, видно, воняет, как может.
Долго валяюсь, плечо затекло.
Впрочем, меня ничего не тревожит

Я бы уснул, но жара не даёт.
Я бы разделся, но люди есть дома.
Вдруг в эту комнату кто-то зайдёт?
Это явление им незнакомо.

Жуткое зрелище — я без одежды.
Что их пугать, ведь не их же проблемы?
Это не повод для зыбкой надежды.
Я, как всегда, остаюсь вне системы!

На смерть Джоли Линкса

Розы впиваются в тени на стенах;
Всё забывается. Бритвой по венам.

Кошки царапают красные яблоки.
Капельки капают. Прыгают карлики.

Кони несутся — всадники мёртвые.
В лужах пасутся мысли затёртые.

Войнами старыми память изрытая.
Тени с гитарами — песня забытая.

Ветер ласкает горы стеклянные.
В небе витает музыка странная.

Рваные стяги — страница истории.
Лезут бродяги с чужой территории.

Вымерли ящеры — их плоть разлагается.
Песня навязчива, песня въедается.

Умер король. Издеваются клоуны.
Старый пароль. Чувства в цепи закованы.

Замки разрушены, не нужна уже конница.
Стрелы все спущены — вслед за мыслями гонятся.

Дети копают могилы-песочницы.
Черви съедают яблоки сочные.

Лезвия ржавые над курганами воинов. —
Всё перекопано новыми войнами.

Не хокку

*

Ещё причуда пьяной музы —
Параллелепипед из арбуза!

*

Я написал тут кучу говна —
Пушкину явно будет хана!

Ночь настаёт

Ночь настаёт — тьма пожирает свет.
Ночь настаёт — знаю, за ней приходит рассвет.
Лишь отраженье прогнившей мечты.
Тихо играешь эту музыку ты.

Струны звенят — в небе грустит луна.
Звёзды мертвы — только она одна
Знает, сегодня погибнет рассвет,
И ничего уже нет...

Только осколок от нашей мечты.
Тихая музыка — стон с высоты.
Нас уже нет, лишь осталась печаль.
Чёрной рекою в мёртвую даль... в мёртвую даль...

Листья шумят — скоро проснётся дождь.
Струны звенят — всё остальное ложь.
Спят на часах лишь двенадцать минут...
Звёзды уже в бесконечность зовут...

Серый туман — светится яркий дым.
В небе луна — значит, ты не один.
Будущий прах смоят слёзы-дожди,
Не умирай... Подожди!

Только осколок от нашей мечты.
Тихая музыка — стон с высоты.
Нас уже нет, лишь осталась печаль.
Чёрной рекою в мёртвую даль... в мёртвую даль...

Ночь настаёт — тьма поглотила свет.
Выхода нет — умер рассвет...
Ты уже мёртв, затихает струна...
Дождь всё сильнее — плачет луна.

Только осколок от нашей мечты.
Тихая музыка — стон с высоты.
Нас уже нет, лишь осталась печаль.
Чёрной рекою в мёртвую даль...

Нас унесёт...
Небо спасёт...
Мечту...

* * *

Они придут во тьме ночной —
Им безразлично покаянье
Души пропащей и больной,
Души, отравленной страданьем.

Они войдут не через дверь —
Они лишь тени отражений.
В спасенье ты уже не верь
И не ищи других видений.

Они тебя возьмут с собой
В мир, окружённый зеркалами;
Ты сам не справишься с тоской —
Не всё кричать можно словами;

Туда глядишь и видишь тень:
Она кричит от дикой боли,
Она страдает каждый день
И хочет вырваться на волю,

Но это только миражи,
И ты цепями к ним прикован,
А слёзы — острые ножи,
И разум болью околдован.

* * *

Он построил цитадель
На равнинах подсознания,
Но ему пришлось взять дрель,
Чтоб избавиться от знаний —

Просверлил дыру в виске —
Красной нитью ручеёк;
Его жизнь на волоске,
Но он суть свою сберёт.

Только крепнет цитадель,
Крови вдоволь напитавшись,
И в её срамную щель
Входит истину искавший.

Он стоял на краю земли
И смотрел в эту синюю муть —
Звёзды тихо по небу текли,
По ночам не давая заснуть;

Раньше ветер шумел в волосах,
Напевая известный мотив
О каких-то погибших мечтах —
Солнце село, и ветер затих.

И тянулся за светом след,
Красно-чёрный, как океан;
Только музыки больше нет,
А внизу лишь стальной туман.

И цеплялись друг за друга слова,
Образуя цепочку снов,
Они звали с собой навсегда,
А он к этому был не готов.

Он хотел бы поднять свой меч,
Разрубить небеса до звёзд
И лиловый туман рассечь,
Вырвать свет из змеиных гнёзд —

Только в сказках мечи куют
Из неведомых нитей волшебья;
Помнит каждый мечту свою,
Но вокруг лишь одни рабы.

Миром правит какой-то маньяк
И смеётся над нами с небес.
Он не верил, что это всё так,
И в чужую судьбу не лез.

Сотни, тысячи каменных лиц
Улыбаются — рот до ушей;
Они целились будто бы в птиц,
Попадали лишь в дохлых мышей;

Точат когти о серый бетон,
Чешут пузо, хвостами трясут,
Сочиняют суровый закон —
Только ангелы их не спасут.

Он стоял на краю земли,
Он один против тысяч планет;
Звёзды тихо по небу текли;
Только музыки больше нет.

* * *

Он явно не думал об этом,
А скорее, о чём-то ином;
А она провожала лето,
Запивая осколки вином;

Им, наверно, не нужны были звёзды,
Равно как остальное зло;
Возвращаться назад было поздно,
А может быть, им повезло;

Они видели море в красках
И сиреневый бег облаков,
В бесконечных бредовых сказках
Не хватало последних слов;

Она пела ему свои песни —
Этот странный поток древних нот,
Может быть, так звучит интересней;
Каждый миг — что судьбы поворот;

За неё бы отдал полмира —
Только этого мира нет;
Она — всего лишь ржавая лира,
А он — сумасшедший поэт.

* * *

Порву оконное стекло,
Покрашу в синий цвет малину;
Я буду делать всем назло;
Я буду метить прямо в спину.

Беги, и будешь ты спасён;
Беги, пока я не проснулся;
Нет, я не сдох, не побеждён —
Я вновь из темноты вернулся;

И твою кровь я буду пить
Из кубка твоего позора;
Пощады будешь ты просить,
Скулить, как шавка под забором

И не поможет, например,
Твоё коленопреклоненье;
Да, я — урод, я — Люцифер,
Взращённый вашим поколеньем.

* * *

Разломаю немые стены,
Разобью сознания стекло;
Жизнь играет жестокие сцены —
Убегу от неё, как назло.

Снег засыплет наивные грёзы,
Я не буду стоять у дверей,
Растопчу эти дохлые розы —
Мне пора бы забыть о ней!

Самоубийца

— Он мёртв, — сделал вывод 44-й, прощупывая пульс на сонной артерии тела, лежащего перед ним на столе. — Его уничтожил собственный же создатель.

— Хм... Я думаю, создатель ещё пожалеет, что сделал это, — проговорил 35-й.

— Создатель ещё может воскресить его.

— Наверное, только вряд ли это будет именно он. То есть, я хочу сказать, это уже будет не тот человек, а жалкая пародия на него.

— Да... — 44-й грустно вздохнул. — Создатель убил величайшего романтика, предпочтя ему клоуна.

— И пусть не пытается прятаться за маской печального рыцаря — его клоунскую натуру видно издалека. Если Мастер Шизофренио...

— Что, если я? — 35-й не заметил, как Мастер Шизофренио вошёл в комнату и стоял у него за спиной. Мастер снял шляпу, высокий лакированный цилиндр чёрного цвета, кивнул головой, приветствуя образы снов. 44-й и 35-й растерянно посмотрели на Мастера, отвернулись, чтобы скрыть своё смущение.

— Сегодня я убил его, — надменно отчеканил Мастер, указывая изящной рукой на труп. — Сегодня началась новая эпоха.

— Эпоха вечного цирка.

— Да. Эпоха гротеска. Только смеяться там буду я.

В комнате повисла гробовая тишина, медленная, тягучая. Наконец 35-й попытался с нею покончить:

— А что будет потом? Почему ты думаешь, что создатель не убьёт и тебя?

— Не убьёт, — изящные пальцы, усыпанные драгоценными камнями, взяли белую простыню со стола и накрыли ею лицо трупа. — Создатель слишком слаб и безволен, чтобы убить меня. А может, он способен убить только то, что было ему дорого, чтобы потом страдать. Он думает, что жизнь сделает его жёстче.

— Да, создатель любил этого человека, этот образ... Тебе никогда не смыть с себя тени тех слёз, они будут въедаться вовнутрь, как личинки овода, пока не съедят тебя изнутри. Поверь, твой век будет недолог.

— Образ... Что такое образ? Фантазия, пустой звук, отголосок сна... А я больше, чем образ — я реален.

Мастер Шизофренио фыркнул и вышел из комнаты, волоча по грязному полу полы длинного чёрного плаща. Дверь с треском захлопнулась.

*

Эриан посмотрел на друга, тот весело смеялся над своей же шуткой, которую рассказывал уже десятый раз. Внезапно Эриан почувствовал себя плохо, чувство отчуждённости, которое он испытывал с самого начала, как пришёл сюда, невероятно обострилось. На сердце тяжёлым камнем свалилась

тоска. Тёмные очки скрывали покрасневшие от боли глаза. Он отвернулся, тяжёлый вздох вырвался у него из груди. Чёрт! Эриан молча побрёл прочь из этого места. Друг, прерванный на полуслове, удивлённо глянул ему вслед, потом отвернулся и принялся оживлённо болтать с каким-то волосатым ублюдком.

Снова у Эриана отобрали музыку, он так мечтал о ней. Её жестоко вырвали у него из рук — из рук, а не из сердца. А какая простая отговорка — временные рамки. Сколько это ещё будет продолжаться? А кто это сделал? — Этот самый друг?

Да, этого человека Эриан когда-то считал своим другом. Он мог доверить ему свои идеи, рассказать свои мечты, спросить совета... Нет, не ему указывать Эриану жизненный путь. Кто он вообще такой? Эти люди считали себя избранными, какой-то высшей расой, а по сути, оказались теми же баранами, только, может, другой масти. Одинаковые, тупые, безликие... Раздаривать баранам священные знания, бросать идеи на ветер? Всё равно, что сорвать красивый цветок и тут же выбросить, да ещё и растоптать. Это называется — нести культуру в массы. А этот человек посвятил этому всю жизнь и учит других, молодых маньяков. «Одной идеей сыт не будешь». Ха! А останется ли она вкусной после всех этих манипуляций? От неё же ничего не останется!

Эриан никогда не плакал, потому что маньяки не плачут. Он был большим маньяком. Но теперь он не мог сдерживать слёз, скупые солёные ручейки медленно катились по его щекам, срывались вниз на горячий асфальт. Он плакал незаметно, боясь показаться сопливым ублюдком. Сколько раз он пытался стать жестоким, убить в себе все сопливые чувства! Но почему-то они всё равно каким-то образом выживали. Наверное, он слишком слаб, чтобы победить их. Сволочи!

Он плёлся вперёд, не замечая проплывавших мимо улиц, машин на дорогах. Но машины почему-то останавливались, пропуская его. Лучше бы раздавили на месте! Спина гнулась под тяжестью сумки, набитой знаниями, которыми Эриану уже не воспользоваться. Ручьи пота жгли кожу под чёрной шерстяной одеждой — другие люди ходили полураздетыми. Они с интересом разглядывали Эриана, он слышал, как они смеялись за его спиной. «О, боже», — говорили молодые раскрашенные сучки, виляя сиськами. «Йо! Металл, йо!» — поповые парни с оголёнными животами делали жесты, свойственные неформалам на концертах. Эриан не обращал на них внимания. Он хотел бы надрать им задницу, но не мог. Хотя они и были младше его, их было много, а Эриан был слаб, настолько, что любая пятилетняя девчонка была сильнее его. И как он вообще держался на ногах! Может, из-за того, что у него была определённая цель, и осознание этой цели придавало ему сил. Плохо, что у него не было волшебного меча, как у его любимого героя из книг. Сейчас бы он правил миром, только на фиг ему это надо. Но, по крайней мере, у него была бы возможность отомстить за свои обиды.

Эриан шёл в направлении морского залива, где берег круто возвышался над холодными ещё волнами. Он спустился в овраг и пошёл просёлочной тропинкой. Скоро город остался далеко позади. Эриан выбросил сумку, снял тёмные очки, с облегчением вздохнул, осмотрелся вокруг.

Природа жила своей жизнью. Ей было как будто всё равно, что там где-то происходит. Ветерок ласково шептался с народившейся только, лишкой ещё листвой. Расцветали и вяли цветы — подснежники уже отцвели, и вместо них лес, раньше синий весь, как фэнтезийный океан, пестрел теперь оранжевым пламенем миниатюрных роз-жарков. Птички весело щебетали свои мелодии. Ворона предупреждающе каркнула, заметив чужака, но потом приоткрылась и узнала своего, дружелюбно кивнула ему. Эриан рявкнул по-волчьему ей в ответ, рассмеялся, побежал вперёд.

Он уже не чувствовал ненависти ко всему. Злость и обида сменились счастливым ощущением блаженного одиночества. Эриан пытался петь всякую ерунду, которая только приходила ему в голову. Он не виноват — он просто жертва обстоятельств. Вот и берег. Осторожно ступая по острым камням, Эриан подошёл к обрыву. Внизу бултыхалось величественное древнее море. Эриан посмотрел вниз — высоко! Ветер дунул ему в лицо. Может, не надо? Всё теперь хорошо, всё будет хорошо. А потом опять? Ну уж нет! Почему не таблетка? Не больно и незаметно... Во сне... Как червяк в своей норе... Фу! Нет, лучше, как свободная чайка — пусть будет больно! Но это всего лишь на мгновение — и всё...

*

— Я пришёл вернуть то, что принадлежит тебе по праву, — перекрикивал Эриан грохот моря, обращаясь к ветру. — Когда-то ты подарил мне эту музыку, но она стала неотделимой частью моей души. Возьми её обратно! Возьми вместе с моей душой! Я верно служил тебе. Пусть моим пальцам никогда не суждено прикоснуться к струнам, чтобы извлечь эти звуки, но я жил ими. Они всегда звучали в моей голове. Возьми их! И меня возьми! Забери меня, если уж однажды ты меня породил!

Эриан развёл руки в стороны, как крылья. Крик, похожий на крик чайки, вырвался из его груди. Ноги перестали соприкасаться с землёй, один миг — и тело разбилось о волны, белая пена накрыла его. Засверкала на солнце лужица алой крови, медленно раскачиваясь на волнах, погрузилась в лазоревую тьму. Всё...

— Не-е-е-ет!!!! — Мастер Шизофренио был в шоке. Глаза округлились, наполненные ужасом, руки судорожно задргались в воздухе. Нет, ты не птица — ты не умеешь летать. Длинные чёрные ногти царапали воздух, пытаясь зацепиться за него, но ветер обломал их. Клок серебряных волос повис на камнях.

— Я не верю! Не верю! Не верю! Не верю! — закричал Мастер. Но ему пришлось поверить. Это самая зверская шутка, только на этот раз пошутили над тобой. Это конец твоей эпохи!

*

Скоро в газете напишут заметку о без вести пропавшем. Там будет указано такие-то приметы, которые знают все, и такое-то имя, которое не знает никто. Интересно, зазвучит ли его любимая музыка, поминая его? Задрожат ли струны гитары, наигрывая печальный мотив? Ну и не надо! Он получил своё. Он был неправ, но откуда ему знать, где правда, а где ложь? Этому изгою-извращенцу? Общество само порождает таких маньяков, а когда не знает, что с ними делать, пытается уничтожить — и это у них хорошо получается...

— Слава богу! Всё закончилось, — радостно сказал 35-й.

— Да, друг. Всё будет так, как раньше, — 44-й обнял его, и они заплакали, как дети.

* * *

Сквозь толстые шторы слепая луна
Пробиться не может, она не сильна;

И я не силён победить свою волю;
И слабые нервы натёрлись до боли;

Мне больно смотреть на своё нисхождение —
Противиться больше, увы, не могу.

Явятся ли призраки умодвиженья?
Я их не приму, но и не убегу...

* * *

Скоро закончится эта война,
Но мне другой жизни не надо —
По улицам просто гуляет весна,
И сон мой, весенний, так сладок.

Солнышко красное

Хочешь, я подарю тебе осколок радости?
Ты будешь видеть рассвет в фиолетовых снах.
И не буди во мне ложь, прошу, без надобности.
Я уроню этот мир, что держу на плечах.

Здравствуй, солнышко красное,
Дотянуться не мог до твоей высоты.
Подари мне свой свет, свои лучики ясные!
А над нами плывут в небе звёзды-цветы.

Хочешь, я подарю тебе слёзы желания?
Словно звёзды горят среди боли во тьме.
Ты не скажешь «Прощай!», но «До свидания!»
Плачет чёрная тень, прислонившись к стене.

Здравствуй, солнышко красное,
Дотянуться не мог до твоей высоты.
Подари мне свой свет, свои лучики ясные!
А над нами плывут в небе звёзды-цветы.

Хочешь, я подарю тебе дождик розовый?
Он один такой среди чёрных и злых,
Он среди мёртвых строк шипами-розами,
И когда ты поймёшь, то не сможешь забыть.

Здравствуй, солнышко красное,
Дотянуться не мог до твоей высоты.
Подари мне свой свет, свои лучики ясные!
А над нами плывут в небе звёзды-цветы.

Хокку

*

Дождь стучится в окно —
Извини, не впусти;
Я не справляюсь с тысячью дождей.

*

Снова читал всю ночь
О каком-то ублюдке.
Блин, да это же я!

*

Звёзды, будто дырки в небе.
А в дырках
Истины нет...

*

В крашеное солнце
Вплетаю ветви дождя —
Мне нравится, когда ты смеёшься.

*

Песня разбилась,
Споткнувшись
О последнюю ноту.

*

Организм
Взывает к возвышенному —
Хочется жрать!

*

Мечта погибла,
Проглоченная последним ветром
Уходящей жизни.

*

Ветер рыдает,
Закрыв лицо тучами.
Игра окончена!

* * *

Холодный неоновый свет;
И мокрый асфальт под ногой,
Который за тысячу лет
Остался такой же слепой;

Не птицы далёкой полёт
Сравнится с подъёмом вверх;
Оно к себе в недра зовёт,
Но новый отшельник их сверг;

Ползут по стёклам витражи,
Пulsируя, катятся вниз;
Во взгляде прожитая жизнь...
Ты крепче держись за карниз!

* * *

Чуждые звуки встречают
Новый виток глухоты,
С огненных вышек бросают
В нашу могилу цветы;

Только их листья гнилые,
И кровь из их льда не течёт.
Ринутся в бойню другие...
А это не наш новый год!

Я возьму чистый лист бумаги
И на нём нарисую небо —
Десять строк из забытой саги,
Героем которой я не был;

Жёлтой краской — земля в морщинах,
И могилы на ней прыщами;
Мы не били друг друга в спину —
Уходили и не прощались;

Кровь стекается краской синей;
Потеряешь — вовек не сыщешь;
Череда беспорядочных линий —
Небо чёрное — стрелы свищут;

Поутру будто слёзы росой,
Только в сердце вонзается камень;
Эта краска была другою —
Бирюзовая, будто пламень;

Нарисую холодные звёзды,
Что над нами смеются свыше;
Умирать никогда не поздно;
Разбегаются белые мыши,

Разлетаются синие птицы,
Зарастает могила травой;
Были войны за эту границу,
А теперь только волки воют;

Здесь когда-то кого-то любили —
Фиолетовой краской закрашу;
Потому ли их сразу доби́ли?
А теперь красным флагом машут;

Ну, а я им сломаю флаги
И закрашу всё краской белой —
Предо мной чистый лист бумаги —
Это сразу меняет дело.

* * *

Я ловлю на теле взоры
И сжигаю их глазами;
Я сидел бы за забором,
Заменяв дожди слезами,

Но дорога лентой вьётся —
Пусть чудовища в засаде!
Извращенец не сдаётся,
С ним нельзя так просто сладить.

Кажется, немного грустно
Покидать, что сердцу мило;
Волки не едят капусту —
Что бы ты ни говорила.

Срп

Апатия

Вновь обняли нас руки осени,
Подожгли леса ярким пламенем.
И заныло лето дождями,
Скорбь о времени своём ушедшем.

Вновь подули ветра холодные,
Подняли стаи птиц перелётных.
Понесли прочь, в края далёкие.
И сердце сжалось от их песен траурных.

Напились в саду соком яблоки,
А моя душа — болью, холодом.
Изнутри замерзаю я,
Покрывается сердце инеем.

Пустота стучится в дом — двери не заперты.
Она заходит и жрёт то, что было нажито —
То тепло, что душа хранила,
То, что было когда-то мне дорого,
Теперь уже не имеет значения.

За пустотою бредёт отчаяние,
Приходят тоска и уныние.
И, кажется, не на что надеяться, когда всё съедено.
И в место будет — было,
Было, ушло, утеряно, но не забыто —
Мозг хранит воспоминания
О тех днях, когда была полна душа,
Когда сердце от чувств грудь разрывало,
А теперь пусто, холодно,
Ни боли, ни радости — апатия..

Маска

Она постучится, и ты откроешь ей дверь.
Она войдёт в дом, как ласковый нежный зверь.
Она, мило обнимая, задушит тебя,
Навсегда убив твоё собственное я.

Она даст тебе всё богатство и почёт.
Она даст тебе всё, а душу заберёт,
Оставит только тело и механический мозг,
Но ты не заметишь — это как гипноз.

Я не умею плакать

*Слёзы — всего лишь капельки воды из глаз,
но сколько боли смывают они с души.*

*А как быть тем, кто, рыдая,
не в силах профонить ни слезинки?*

Дождь — тяжёлые капли падают с неба,
Дарят земле влагу.

Дождь — тяжёлые капли падают с неба,
Дарят жизнь цветам, деревьям и травам.

Дождь — тяжёлые капли падают с неба,
Дарят мне слёзы — унося печали.